

Владимир Яковлевич Железнов

1869 (село Одоевское, Ветлужского уезда, Костромской губернии) -1933 гг. (г. Москва)

Российский экономист, педагог и общественный деятель, профессор.

Железнов, Владимир Яковлевич, выдающийся экономист, профессор московского сельскохозяйственного института, родился в 1869 году; по окончании киевского университета, был в 1892 году оставлен для приготовления к профессорскому званию, а с 1896 года начал, в качестве приват-доцента, читать лекции по статистике. В 1898-9 гг. Железнов дебютировал рядом публичных лекций по теории экономической науки, легших в основание его труда – «Очерки политической экономии», которые имели необычайный успех и до сих пор пользуются неизменными симпатиями широких кругов стремящихся к самообразованию читателей. По возвращении из заграничной командировки, Железнов приступил к чтению общего курса политической экономии в университете и к печатанию своей магистерской диссертации – «Главные направления в разработке теории заработной платы» (Киев, 1904г.). Лекторский талант, живая любовь к излагаемому предмету, умение учесть в строго научной форме запросы текущего момента – сразу подняли преподавание политической экономии в Киевском университете на большую высоту, обеспечили Железнову обширную аудиторию, которая, в организованных преподавателем практических занятиях, обнаружила и недюжинную самодеятельность. Этой блестящей педагогической работе суждено было по «независящим обстоятельствам», оборваться: после защиты диссертации в Москве в 1905 году, Железнов, единогласно избранный юридическим факультетом в Киевском Университете, в профессора, был забаллотирован в совете и уехал в Москву. Большую роль в этом деле сыграло то живое участие, которое принимал Железнов в пробуждающемся общественном движении. Преподавательская деятельность Железнова в Москве не ограничилась одним сельскохозяйственным институтом: он известен и Коммерческому институту и Университету Шаняевского. Годы реакции заставили Железнова сосредоточиться преимущественно на академической работе; но связи с непосредственной общественной жизнью он не терял: свою энергию и знание он посвятил кооперативному движению. Им (с профессором Анциферовым) был составлен первый проект «Московского Народного Банка», председателем ревизионного комитета которого Железнов и ныне состоит. В последнее время Железнов (вместе с профессором Мануйловым) задумал обширный коллективный труд – «История экономической мысли», за издание которого взялся Московский Научный Институт. – Широкой популярности Железнова способствовали, главным образом, его «Очерки», где он сумел с живым, доступным изложением сочетать строгую научность. Если не все стороны экономической жизни нашли в «Очерках» надлежащее освещение, то они были и остаются лучшим популярным трактатом по одной из самых важных проблем – рабочему вопросу...Что касается содержания его общественно-экономических воззрений, то главные элементы учения Маркса составляют прочный фундамент мирозерцания Железнова, но он живо откликается и на другие течения экономической мысли. Очевидно, Железнов ищет новых путей в науке, которые позволили бы синтезировать все ценные приобретения прошлого и настоящего.

*М.Бернацкий**

** Текст статьи «Железнов» и фотопортрет см. Энциклопедический словарь бр.Гранат, 7 издание, т. 20*

В. Я. ЖЕЛЪЗНОВЪ.

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

7-е изданіе, значительно переработанное и дополненное.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

В.Я.Железнов

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(текст 7-го издания в современной орфографии)

КАЗАНЬ

2019 г.

Предваряя чтение лекций, структурно составляющих содержание «Очерков», просим читателей обратить внимание на следующие особенности оригинального текста и его электронной версии:

а) текст электронной версии «Очерков» является практически аутентичным воспроизведением в современной орфографии текста их 7-го печатного издания 1912 года; читатель легко может в этом убедиться сравнив электронный текст с оригиналом, ориентируясь при этом на отмеченные знаками [x] фрагменты, соответствующие страницам оригинального печатного издания;

б) при подготовке электронной версии составителю не удалось избежать необходимости графического оформления некоторых статистических выкладок автора в виде таблиц, а также более рационального размещения многообразных примечаний в виде общего списка, приводимого в конце каждой лекции. Для перехода в этот список, читателю достаточно «кликнуть» в тексте надстрочный номерной знак примечания;

в) лексикон/словарь оригинала (и соответственно его электронной версии) содержит слова, термины и речевые обороты, непривычные глазу и слуху современного читателя: *удобообозримость, вынуждаться, народо-хозяйственный, «эвклидовский»* и т.д и т.п. Все они зеркально воспроизведены в современной орфографии, их осмысление, на наш взгляд, не требует чрезмерного напряжения и каких-либо специальных примечаний или разъяснений;

г) автор «Очерков», В.Я.Железнов практически владел тремя европейскими языками (немецкий, французский, английский) и, судя по всему, ожидал (по умолчанию) их понимания от аудитории, чем объясняется отсутствие переводов на русский язык, некоторых (немногих) цитируемых фрагментов. Учитывая существенно возросшие возможности современных читателей, составитель, оставил эту особенность оригинального текста «Очерков» без изменений;

д) признавая возможность грамматических и орфографических ошибок, составитель, надеется на доброжелательность читателей и просит направлять соответствующие замечания на адрес: economist1967@gmail.com

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящие «Очерки представляют собой исправленное и значительно дополненное издание литографированного курса публичных лекций, читанных автором в 1898 -1899 академическом году в Киеве. Главные выводы остаются те же, какие были высказаны два года тому назад; не изменен и общий план работы. Прибавлены лишь некоторые фактические подробности и более полно развиты теоретические положения, обстоятельному выяснению которых мешала ограниченность времени, бывшего в распоряжении автора при чтении лекций. Автор заботился о простоте и общедоступности изложения, стараясь, однако, не жертвовать при этом серьезностью мысли.

Берлин, 23/ 10 февраля 1901 г.

В.Ж.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ.

В предлагаемом издании «Очерки» значительно переработаны. За десять лет, истекших после подготовки к печати первого издания, многое изменилось. Самым крупным явлением в движении экономической мысли за последние годы был теперь уже вполне отчетливо наметившийся поворот к чисто теоретической работе, целью которой все более и более становится синтез основных положений, установленных классической школой и ее продолжателями и школой предельной полезности.

Цель эта пока далеко не достигнута, но связанное с ней пробуждение интереса к основным проблемам теоретической экономики, успело уже благотворно сказаться на разработке ряда частных вопросов. В настоящем издании «Очерков» автор считал необходимым поэтому остановиться с большей подробностью на выяснении теоретических основ политической экономики, поскольку это было возможно в кратком курсе, назначенном для начинающих. Особенное внимание было уделено при этом разграничению трех главных кругов меновых отношений – свободной конкуренции, частной монополии и установлению цен общественной властью, и указанию связи между центральной проблемой теоретической экономики – ценности и цены – с другими вопросами – распределения, денежного и кредитного обращения и т.д.

Помимо этой главной задачи, автор воспользовался представившейся ему возможностью более обстоятельной переработки «Очерков» и для дополнения некоторых отделов, изложенных в предыдущих изданиях слишком кратко. Особенно расширена лекция о деньгах и кредите, но многое прибавлено, а отчасти подробнее развито и в других лекциях.

План книги подвергся незначительным изменениям. Вопрос об естественных условиях экономической деятельности выделен из учения о производстве и вместе с вопросом о социальной среде хозяйства составил содержание особой лекции «Естественная и социальная среда человеческого хозяйства». Лекция о капитале и формах хозяйственных предприятий разделена на две лекции. Вопрос о промышленных кризисах перенесен из лекции о торговле в конец книги (как было в первоначальном литографированном издании). Отдельные ранее лекции о рабочих союзах и формах коллективного договора слиты в одну и помещены после лекции о рабочем законодательстве.

В.Ж.

Кисловодск, 18 августа 1911 г

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Лекция первая

Понятие политической экономии. – Человеческие потребности и хозяйственные блага. - Хозяйственная деятельность. – Техника и экономика. – Ценность хозяйственных благ. – Индивидуальная экономика и политическая экономия. – Ступени хозяйственного развития человеческих обществ. – Схема Бюхера. - Ступень замкнутого домашнего хозяйства. - Городское ремесленное хозяйство. -Переход к современному капиталистическому хозяйству. -Система развитого капитализма...стр. 2-33.

Лекция вторая

Задачи экономического исследования. - Взгляды классической школы экономистов. - Посылки эгоизма и свободной конкуренции. - Протест против выводов классической школы в связи условиями экономической действительности первой половины XIX в. - Германская историческая и историко-этическая школы. - Реакция против исторического направления (Менгер). - Новые взгляды на задачи исторического исследования (Риккерт). - Экономическая теория и вопрос о выводе «экономических» законов». -Посылки политической экономии. - Построение экономических идеалов. - Необходимость отрешиться при изучении экономических отношений от предвзятой точки зрения. ... стр.34 – 59.

Лекция третья

Естественная и социальная среда человеческого хозяйства.

Деление теоретической системы политической экономии на части. – Вопрос о среде, в которой происходят социально-экономические отношения. – Естественная среда человеческого хозяйства. – Территория, на которой люди могут развивать свою хозяйственную деятельность. - Климат (распределение тепла и влажности). – Реки и моря.- Запасы минеральных пород (в особенности каменного угля и железа). - Почвенные условия. - Флора и фауна.- Размеры человеческого населения сравнительно с имеющимися естественными богатствами. – Учение Мальтуса о росте населения. – Закон уменьшения земледельческого продукта. - Успехи промышленной техники. - Преодоление могучих естественных преград. – Изменение техники в новейшее время: рационализирование, тесная связь с научным развитием. – Паровой двигатель. – Усовершенствование земледелия. – Зависимость технического прогресса от социальных условий. – Социальная среда человеческого хозяйства. – Значение государственной организации. – Юридические условия хозяйства. – Рабочее законодательство. – Вопрос о частной собственности. – Изменения в господствующих взглядах на социальную среду со времени либеральной экономической доктрины. ..стр. 60 – 86.

ВВЕДЕНИЕ

Лекция первая

Понятие политической экономии. – Человеческие потребности и хозяйственные блага. - Хозяйственная деятельность. – Техника и экономика. – Ценность хозяйственных благ. – Индивидуальная экономика и политическая экономия. – Ступени хозяйственного развития человеческих обществ. – Схема Бюхера. - Степень замкнутого домашнего хозяйства. - Городское ремесленное хозяйство. -Переход к современному капиталистическому хозяйству. -Система развитого капитализма.

Приступая к изложению публичного курса, я считаю необходимым прежде всего остановить ваше внимание на вопросе о предмете, подлежащем исследованию политической экономии. Ведь научная работа, выясняющая разнообразные явления мировой жизни, должна быть для успеха дела строго распределена между отдельными отраслями знания, из которых каждая может быть полным хозяином лишь в ограниченной сфере, лишь в точно отмежеванных ей пределах исследования. Каковы же пределы, которые по праву могут быть отведены политической экономии?

Существенной чертой человеческой жизни и деятельности является зависимость от материального мира. Что бы человек не предпринимал, за какое бы дело ни брался, он всегда встретится с вопросом [2] о материальных средствах, необходимых ему для осуществления поставленных целей. Представим себе людей, оторвавшихся от старых, насиженных дедовских гнезд и желающих устроить себе жизнь по-новому в местах, еще не тронутых человеком, например, эмигрантов, переселяющихся в какую-нибудь новую колонию. Проследивая первые шаги их деятельности в новой обстановке, мы увидим, что при всех целях, какие они будут себе ставить, они всегда натолкнутся на вопрос о материальных средствах для осуществления этих целей. Чтобы удовлетворить своим первым и необходимейшим потребностям в пище, жилище и одежде, они займутся возделыванием почвы, рубкой леса сооружением построек, разведением скота, прядением льна и шерсти, тканьем и т.д. Но и для удовлетворения дальнейших, более высоких потребностей – образовательных, религиозных, эстетических, - им также придется затратить известное (и часто весьма значительное) количество усилий для создания тех материальных средств, при помощи которых только и могут быть удовлетворены эти высшие потребности. Понадобится выстроить церковь, школу, затратить известное количество труда, чтобы получить средства на содержание священника и учителя, все время которых будет занято возлагаемыми на них культурными задачами, и т.д. Также

происходит и в окружающей нас повседневной действительности: создание университета, постройка храма, постройка памятника великому человеку требуют не только зрелой мысли, художественного творчества, религиозного порыва, но и известного [3] количества материальных средств. Всегда и всюду, как бы возвышенны ни были потребности и цели человека, какими бы далекими от материальной обстановки жизни они ни казались, для них необходимы в последнем счете и материальные средства. Но материальные средства, с точки зрения удовлетворения потребностей человека, имеют далеко не одинаковое значение. В его глазах весь этот пестрый и многообразный мир вещей делится на две крупные категории: одна часть дана ему природой в таком количестве и такой форме, что пользование ими оказывается для него доступным всюду, во всякое время и в мере его потребностей и потому не требует с его стороны никаких усилий и жертвований: таковы воздух, солнечный свет, вода и т.д. Это - свободные или даровые блага. Как ни важны, как ни необходимы они вообще для человеческой жизни, пока пользование ими находится в указанных условиях, т.е. остается свободным и даровым, они не входят для человека в круг, очерчиваемый его интересами, заботами и расчетами. Напротив, другая часть материальных благ, также необходимая для удовлетворения человеческих потребностей, имеется или вообще в очень ограниченном количестве (разного рода «редкости»), или может допускать завладение ими, или, наконец, хотя и может быть получена в достаточном количестве для удовлетворения человеческих потребностей, но только при условии затраты некоторых усилий, направленных на **добывание** их, т.е. извлечение из мира природы и **приспособление** к данным потребностям. Эта вторая часть материальных средств, [4] т.е. тех, которые или вообще редки, или доступ к которым ограничен, или добывание которых сопряжено с известными усилиями или жертвованиями и образует то, что называют, в отличие от первых, **хозяйственными благами**. Они одни интересуют и практического хозяйственного деятеля и экономиста-теоретика. Ведь утрата хотя бы незначительной конкретной доли этих благ составляет уже **потерю**, чувствуется как **ущерб**, возмещение которого требует новых усилий, новых затрат, новых жертвований. В глазах хозяйственного субъекта они приобретают поэтому особое *значение*, он живо чувствует, что от них зависит его хозяйственное **благосостояние**, что они для него ценны. Это признание за хозяйственными благами особого значения, признание **ценности** влечет за собой, как необходимое следствие, и особое отношение к ним хозяйствующего субъекта. Он вынужден обращаться с ними **бережно**, или, как говорят обыкновенно, **экономно**, т.е. они становятся объектом определенных психологических стремлений и определенной деятельности.

Деятельность эта необходимо должна быть целесообразной, основываться на известном расчете, иначе говоря, быть **хозяйственной** деятельностью.

Но целесообразность хозяйственной деятельности – двоякого рода: с одной стороны, это целесообразность **т е х н и ч е с к а я**, заключающаяся в возможно более совершенных и рациональных приемах, имеющих целью извлечение из мира окружающей человека природы необходимых ему предметов и [5] приспособление их к его потребностям. Эта сторона человеческого хозяйства – преобразование предметов природы наиболее совершенными способами физического воздействия одних сил на другие – часто прежде всего обращает на себя внимание наблюдателя. Вы видите как земледелец разрыхляет землю, сеет зерно, собирает жатву; портной режет сукно, сшивает его, разглаживает; рабочий на фабрике регулирует ход машины, изготовляющей пряжу или ткань; во всех этих случаях вы наблюдаете развитие определенных технических процессов, применение которых открывает людям возможность фактически осуществлять свою власть над природой. Но эта техническая сторона дела, которая сама по себе представляется чрезвычайно сложной и изучается разнообразными техническими науками, даже целыми системами таких наук, не составляет предмета непосредственного изучения и непосредственного интереса для экономиста. Наряду с техническими расчетами физических сил и элементов, в хозяйственной деятельности необходимо выступает и расчет **человеческих сил, человеческой выгоды**, выражаемый в наиболее общей форме в виде **соразмерения затраты и получки, пожертвования и удовлетворения**. Иначе говоря, хозяйственную деятельность проникает собою «**экономический принцип**», «**принцип хозяйственности**», согласно которому хозяйствующий субъект стремится получить с наименьшими усилиями, затратами и жертвованиями возможно большие результаты, т.е. возможно большее удовлетворение потребностей. [6]

Чувства бережности и расчета, с которыми человек обращается с хозяйственными благами, в известной степени напоминают собой его чувства более высокого порядка, проявляющиеся в его отношениях к близким людям, моральным благам и т.п. Но они имеют и своеобразную черту, специфически свойственную им и вытекающую из особой природы хозяйственных ценностей, – черту, резко отграничивающую их от чувств высшего порядка. Утрата хозяйственных благ не представляет для человека по существу невознаградимой потери. Он знает, что одно хозяйственное благо может быть заменено другим хозяйственным благом равной ценности, эквивалентом. В отличие от ценностей высшего порядка (любовь, дружба, великое произведение искусства) ценность хозяйственного блага не обладает свойствами индивидуальности, бесконечности, незаменимости; ценности

хозяйственных благ самого различного рода легко могут быть сравнимы друг с другом и измеримы путем приравнивания к какому-нибудь третьему хозяйственному благу, принятому за меру. Поэтому уже на довольно ранних ступенях развития экономических отношений появляется и всеобщее мерило ценностей хозяйственных благ – деньги. Отсюда политическая экономия, в отличие от наук, имеющих дело с индивидуальными, несравнимыми, бесконечными ценностями (богословие, этика и т.п.), имеет своим объектом измеримые величины и может оперировать мерой и счетом, т.е. до известной степени приблизиться к наукам, изучающим явления внешней природы. Пределами, в которые заключены хозяйственные блага, представляются, [7] таким образом, с одной стороны, блага даровые, свободные дары природы; приближаясь к этому пределу, хозяйственные блага все более и более уменьшаются в ценности, пока не утрачивают её вполне; с другой стороны – высшие культурные блага, приближаясь к которым, хозяйственные блага все растут в ценности, пока ценность их не достигнет бесконечных размеров, станет индивидуальной и ни с чем не сравнимой. Между бесконечным равнодушием к изобилию свободных даров природы и бесконечной любовью к благам высшего порядка и движется этот ограниченный, конечный, «эвклидовский» мир хозяйственных благ.

И все-таки, зная, что политическая экономия имеет дело с хозяйственными благами и особенным отношением людей к этим благам, мы далеко ещё не определили ее содержания. Конечно, логически можно представить себе хозяйственную деятельность изолированного субъекта, Робинзона, по отношению к которому имели бы силу все отмеченные выше моменты. Но наука, изучающая хозяйство Робинзона, не была бы политической экономией. Нельзя назвать политической экономией и науку, которая поставила бы своей задачей изучение единичного хозяйства и в исторически-действительной хозяйственной жизни. Это была бы лишь **индивидуальная экономика**. И какими бы важными для политической экономии мы ни считали индивидуально-экономические исследования, они всегда останутся для неё лишь вспомогательными средствами, предварительную ступенью. Политическая экономия есть наука **общественная**; она изучает не хозяйство отдельного человека или [8] отдельных лиц, взятых изолированно, вне всякой связи друг с другом, а те **общественные** отношения, которые возникают между людьми при их хозяйственной деятельности, т.е. при удовлетворении их потребностей материальными средствами. В этих отношениях политическая экономия находит свой особый, исключительно ей принадлежащий предмет исследования, - область, в которой она является единственным и полным хозяином, и куда она приносит, как необходимый и ценный материал для ее

особой работы, данные и выводы, в изобилии даваемые ей смежными, вспомогательными областями знания, от естествоведения и технологии до психологии, социологии и этики. И эта особая область, которую отмежевывает себе политическая экономия, представляется все еще весьма обширной, полной многообразных явлений, часто незаметных на первый взгляд, но поражающих своей значительностью при более глубоком рассмотрении. Представьте себе такой случай.

Вы уезжаете на лето в деревню. Гуляя по обширным полям, окружающим вашу деревню, вы замечаете на знакомом фоне сельского пейзажа фигуру крестьянина, медленно проводящего сохой борозду. В этой фигуре все так гармонирует с общим сереньким тоном русской деревенской природы, что вы, пожалуй, прошли бы мимо, не остановив внимания на этой отдельной части общей картины. Но вас интересуют экономические вопросы, вы подходите к крестьянину и заводите с ним разговор. Вы узнаете прежде всего, что он тогда-то начал обработку поля, что он предполагает ее кончить в такое-то время, что в такой-то срок [9] нужно будет посеять такое-то количество зерна, которое к осени даст ему столько-то пудов нового хлеба. Далее он расскажет вам о способах своей работы, объяснит составные части употребляемых им орудий, укажет их назначение и т.д. Но, собрав самые подробные сведения по всем этим вопросам, вы узнаете еще очень мало о действительных хозяйственных условиях существования нашего крестьянина. Для этой цели вы должны будете продолжить ваши расспросы и те ответы, которые вы на них получите, быть может, покажутся вам более поразительными, более наводящими на размышление, чем предыдущие. Вы узнаете, например, что крестьянин обрабатывает не свою землю, а соседнего помещика. Здесь перед вами раскрывается уже социальное отношение. Вы увидите, что урожай, допустим в 40 пудов с данного участка, должен быть поделен между крестьянином и помещиком поровну. Иначе говоря, борьба с природой дала нашему крестьянину результат в виде 40 пудов хлеба, а социальные отношения оставляют ему из них только 20. Далее вы узнаете, что в истекшем хозяйственном году крестьянин проел весь свой хлеб, и ему пришлось занять для посева 10 пудов семян, за что кредитор требует после сбора жатвы дать ему лишний пуд семян; наконец обнаружится, что, как член обширного государственного союза, крестьянин вынужден будет отдать известную долю из собранного им хлеба в виде налогов и вообще всякого рода обязательных сборов, идущих на покрытие расходов государства, земства и сельского общества. [10]

Только узнав все эти условия, вы будете в состоянии отдать себе правильный отчет о действительном положении крестьянина.

Итак, политическая экономия имеет предметом своего исследования общественные отношения людей, возникающие на почве их хозяйственной деятельности, т.е. усилий, направленных на удовлетворение разного рода потребностей материальными средствами.

Чтобы лучше ориентироваться в основном характере социальных отношений, возникающих в хозяйственной деятельности человеческих обществ, нам необходимо наблюдать их не у одного какого-нибудь народа и не в одну какую-либо эпоху, а охватить все относящиеся сюда явления в процессе их исторического движения; иначе говоря, нам необходимо уяснить себе эти отношения, как нечто изменчивое, формирующееся, проходящее определенные фазы развития. Уловить простейшие, наиболее типические черты главных форм хозяйственных отношений среди бесконечного разнообразия исторической жизни – задача чрезвычайно трудная. Но так как преобразование существенных сторон хозяйственного строя совершалось всюду весьма медленно, нарастая веками, иногда тысячелетиями, то создается возможность уложить все это многообразие в довольно простую и несложную схему. Подобных схем в экономической литературе было предложено довольно много; наиболее удачной из них, по простоте и ясности очертаний и по глубине захвата сущности хозяйственных процессов представляется нам известная схема Бюхера ⁽¹⁾. [11]

Точка зрения, с которой, по мнению **Бюхера**, лучше всего можно выделить основные типы хозяйственной организации, дается самой сущностью процесса экономической деятельности. Приглядываясь к этому процессу, мы найдем, что он совершается между двумя крайними полюсами – производством и потреблением. Люди **создают** материальные средства и с помощью их **удовлетворяют** свои потребности, **потребляя** эти средства, – такова сущность человеческого хозяйства. Очевидно, что между указанными конечными моментами должно лежать известное расстояние. Этим расстоянием, т.-е. характером связи, устанавливающейся в данном обществе между производством и потреблением, и объясняются, по мнению **Бюхера**, существенные различия в строе человеческого хозяйства в различные периоды его исторического развития.

Основываясь на указанном принципе, **Бюхер** предлагает классификацию общественного хозяйства по трем существенным формам, сменявшим друг друга в историческом процессе: 1) **ступень замкнутого домашнего хозяйства** (хозяйство без обмена), на которой блага потребляются в том же самом хозяйстве, в котором они произведены; 2) **ступень городского хозяйства** (непосредственный обмен), на которой блага переходят непосредственно из производящего хозяйства в потребляющее; 3) **ступень народного хозяйства** (товарный обмен), на которой блага

обыкновенно проходят через целый ряд хозяйств, прежде чем поступят к потреблению. [12]

Указанная схема представляет наибольшие удобства еще и потому, что в ней укладываются и различия во взаимных отношениях между лицами, участвующими в хозяйственной деятельности.

Степень замкнутого домашнего хозяйства характеризуется системой **рабства и крепостничества**; степень городского хозяйства – системой свободной экономической деятельности **мелких самостоятельных ремесленников**; степень народного хозяйства – системой крупного производства, основанной на сосредоточении средств производства в руках крупных **капиталистов** и на свободном юридически труде **наемных рабочих**.

Если оставить в стороне наиболее ранние и наименее известные формы человеческого существования, то можно начать обозрение последовательного развития хозяйственной деятельности с образования замкнутого домашнего хозяйства большой патриархальной (или матриархальной) семьи. Такая форма экономических отношений существовала, как господствующий тип, в течение весьма долгого времени и до сих пор не окончательно еще вытеснена новейшим хозяйственным развитием даже из жизни европейских народов.

Первобытная семейная группа, основанная вначале на господстве и руководительстве матери (матриархат), затем – отца (патриархальная семья), составляла основную хозяйственную единицу и вместе с тем вообще ограничивала собой круг хозяйственных отношений.

Экономическая деятельность того времени почти целиком сосредоточивалась в пределах такой [13] замкнутой группы. Между производством и потреблением продуктов не было никаких промежуточных ступеней: семья сама производила все необходимое для ее членов и все потребляла. Производительное и потребительное (домашнее) хозяйства при таком порядке совершенно не отделяются друг от друга, образуя неразрывную цепь объединенных процессов. Обмен между отдельными хозяйствами вначале совсем неизвестен, но и впоследствии, когда он мало-помалу начинает возникать, он имеет лишь случайный характер, почти не затрагивая главных оснований хозяйственной деятельности самостоятельных семей. Обмениваются излишками – и то чрезвычайно редко – с трудом определяют сравнительную ценность обмениваемых предметов, потому что самого мерила ценности, в его наиболее точной форме – металлической монеты – еще не существует. Меновая сделка представляется каким-то крайне сложным и опасным делом, приступая к которому надо непременно предполагать возможность обмана со стороны других лиц, вступающих в

делку. Поэтому совершение акта обмена ставится под особую защиту закона, требующего присутствия свидетелей, произнесения торжественных символических формул и т.д. Естественно, что при выполнении главных хозяйственных задач того времени целиком силами замкнутой семьи, процесс разделения труда устанавливается не между отдельными семьями, а в их пределах, среди их членов. Сообразно различиям возраста, пола, индивидуальной силы и способностей, отдельные члены данной семейной [14] группы выполняли разнообразные работы; одни изготавливали орудия, другие пускали их в дело, третьи ухаживали за скотом, четвертые заботились об организации домашнего потребления и хозяйства.

Конечно, говоря о «семье», мы имеем перед собой в данном случае общественную группу, несравненно более крупную и сложную, чем семья в современных нам культурных обществах. Патриархальный семейный союз включал в себя такие элементы, которые в настоящее время совершенно обособлены. Например, из описания дворца Приама Гомером мы видим, что залу царя окружали 50 комнат, где жили его сыновья с женами и детьми. И теперь еще в Китае и Индии семьи, живущие в одном дворе, насчитывают очень часто по 16-40 человек, славянская «задруга» - 20-25 членов, и до сих пор сохраняющий еще свою изолированность альпийский крестьянский двор часто включает 12-18 лиц⁽²⁾. Но помимо более широкого круга лиц, соединенных родственными или, лучше сказать, родовыми узами, патриархальная семья содержала в себе и чуждые по крови элементы, прикованные к ней принудительным подчинением, именно, рабов. В этом последнем условии и заключается основная причина продолжительности исторического существования строя замкнутого домашнего хозяйства. Благодаря институту рабства, ослабление родовых связей и постепенное разложение крупных [15] патриархальных семей на мелкие группы не повлекло за собой коренных перемен в характере экономической деятельности.

Вне пользования трудом рабов для более широкого выполнения хозяйственных задач открывался единственный путь: свободная кооперация отдельных семей. Мы имеем немало свидетельств о фактическом применении этого способа в случаях обширной охоты, рыбной ловли, расчистки диких лесных мест, постройки больших судов и т.п.⁽³⁾, но главным руслом, по которому потекла экономическая жизнь всех известных нам древних культурных обществ, было все-таки рабство. Мы не будем останавливаться здесь на причинах, вызвавших это явление и способствовавших его дальнейшему развитию; отметим лишь, что на почве рабства явилась возможность расширения сферы хозяйственной

деятельности, оставаясь при прежнем строе замкнутого домашнего хозяйства.

Насколько институт рабства способствовал расширению хозяйственной деятельности отдельных семей, показывает хотя бы история древнего Рима.

В настоящее время только с большим усилием воображения мы можем представить себе всю сложность хозяйственной деятельности, развивавшейся внутри богатого рабовладельческого дома. Указывают, что существовало около полутора ста названий [16] для разнообразных функций, выполнявшихся рабами в богатых римских домах. Право собственности и беспредельного распоряжения трудом массы несвободных людей создавало гигантский механизм римского рабовладельческого домохозяйства, на фоне которого фигура римского богача выступала в грандиозных очертаниях, совершенно не соответствовавших его личным силам. Опираясь на целый штат прекрасно дисциплинированных и обученных рабов, господин владел огромным могуществом, о размерах которого мы можем судить по следующей мастерской характеристике известного нам уже ученого **Бюхера**: «Прежде всего перед нами выступает *familia rustica*, служившая производительным целям: в каждом имении есть управляющий и его помощник со штатом надсмотрщиков и мастеров, в распоряжении которых находится большое число рабочих на полях, виноградниках, пастухов и скотников, челяди в кухне и доме, прядильщиц, ткачей и ткачих, валяльчиков, портных, плотников, столяров, рабочих производивших металлические изделия и рабочих занятых сельскохозяйственными промыслами. *Familia urbana* делится на персонал управляющий и персонал для услуг господину и госпоже как в доме, так и вне его. Эдесь прежде всего отметим заведующего имуществом с кассиром, бухгалтерами, управляющими домами, сдаваемыми внаем, закупщиками и т.п. Особый персонал несвободных чиновников и рабочих имеется на тот случай, если господин берет в аренду государственную землю или снаряжает корабли. Внутри дома [17] служат: домоправитель, привратники, сторожа для комнат и сторожа для зал, хранители мебели, хранители серебра, гардеробщики; хозяйские припасы находятся в ведении домашнего гофмейстера, ключника, смотрителя за кладовой; в кухне теснится большая толпа поваров, истопников, пекарей хлеба, пирогов, паштетов; за столом прислуживают особые слуги: обязанность одних накрывать на стол, других – накладывать кушанье, третьих – пробовать, четвертых – наливать вино; за едой гостей увеселяет толпа красивых мальчиков, танцовщиц, карликов и шутов. Для личных услуг к господину приставлены: церемониймейстер, на обязанности которого лежит вводить гостей, различные камердинеры, купальщики, слуги для втирания мазей, слуги, обтирающие господ, домашние хирурги, врачи

чуть ли не для каждой части тела, брандирей, чтецы, домашние секретари и т.п. Для домашнего же обихода держат ученого или философа, архитектора, живописца, скульптора, музыкальную капеллу; в библиотеке занимаются переписчики, гладильщики пергамента, переплетчики; их труд под руководством библиотекаря составляет собственное домашнее производство книг. Когда господин появляется где-либо в публичном месте, перед ним шествует толпа рабов (*anteambulones*), другая толпа следует за ним (*pedisequi*); *nomenclator* называет ему имена встречаемых, которых надлежит приветствовать; собственные *distributores* и *tesserarii* распределяют в народе подачки и дают избирательный пароль... Эта система избирательного давления восполняется устройством зрелищ, [18] состязаний колесниц, борьбы зверей, игр гладиаторов; для этих зрелищ заготавливается особая группа рабов. «Человеческие силы, - заканчивает Бюхер, - растрчивались с невероятной расточительностью; в конце концов, при помощи этого тысячерукого организма замкнутого домашнего хозяйства, поддерживаемого грандиозной системой дисциплины и воспитания, личная сила рабовладельца удешевлялась, и это обстоятельство помогало кучке аристократов господствовать над полумиром».

Конечно, не следует думать будто системой замкнутого домашнего хозяйства исчерпывались тогда все хозяйственные отношения. Не только Греция и Рим, но и государства древнего Востока знали уже многие хозяйственные явления, далеко выходящие за пределы охарактеризованной нами экономической организации. Торговля и в то время совершалась уже в весьма широких размерах, а с ней все более и более вторгалась в жизнь система денежного хозяйства. Появлялись зачатки торгово-промышленного кредита; коммерческие сделки, с увеличением торгового обмена, приобретали все более свободный характер. Юридические нормы, касающиеся хозяйственного оборота, успели настолько очиститься от прежних стеснительных ограничений, что новейшие европейские юристы могли принять их за образец для регулирования меновых отношений современного нам экономического строя.

Тем не менее эта сторона хозяйственной жизни древних не развилась настолько, чтобы устранить преобладающие черты старого хозяйственного порядка, а после крушения римской государственности [19] новые народы, пришедшие на смену античным, долго еще оставались также на стадии замкнутого домашнего хозяйства ⁽⁴⁾.

Указанные черты хозяйственной организации наблюдаются и в средневековом общественном строе, основанном на крепостном труде. Барский двор, к которому тяготеют крепостные деревни, представляется характерным типом средневекового деревенского хозяйства. Здесь также все

производится и потребляется в границах господства властелина, и вся экономическая деятельность группы [20] лиц, объединенных узами крепостных отношений к данному владельцу, тяготеет к единому центру, управляется единой руководящей волей. Обмен здесь также представляет второстепенное явление, и самые оброки, выполняемые крепостными, имеют форму натуральных продуктов (хлеба, шерсти, скота, меду, вина, лесного материала, ремесленных изделий – сукна, полотна, башмаков, ножей, бочек и т.п.). Такие экономические порядки наблюдались и в нашем отечестве в эпоху крепостного права. Господство натурального хозяйства, сосредоточенного вокруг барского дома, отражалось и во многих сторонах жизни, представляющих на первый взгляд лишь проявление общих психологических черт человеческой природы. Так знаменитое русское гостеприимство и хлебосольство представляет естественный продукт крепостнического хозяйственного строя, когда в руках одного человека сосредоточивается масса запасов, по преимуществу, в натуральной форме, которые трудно обратить в деньги и которые лучше всего потратить в кругу приятелей и прихлебальщиков. Самая скупость и расчетливость того времени принимала нелепую форму плюшкинской скарденности, в силу которой помещик гноил огромное количество натуральных запасов в своих кладовых, не обогащаясь сам и не облегчая труда своим крепостным.

Итак, существенными чертами крепостного деревенского хозяйства было также непосредственное отношение между производством и потреблением, потребление главной массы продуктов в пределах производящей группы. Но замкнутым хозяйством [21] барщинного двора далеко не исчерпывалась средневековая экономическая жизнь. И в средние века параллельно существовали и развивались и другие хозяйственные процессы. Была довольно широко распространена торговля такими продуктами, которые нужно было привозить издалека, как, например, меха, редкие ткани, вино, пряности, оружие, разного рода металлические изделия. Но эти предметы были рассчитаны по преимуществу на спрос немногих состоятельных людей, и потому торговля ими не могла существенно затронуть основы средневековых хозяйственных отношений. Другое значение имело обособившееся от деревни и феодальной власти помещика **городское ремесленное хозяйство**. Это последнее определилось в средние века настолько рельефными чертами, заняло столь важное место в средневековой хозяйственной жизни, что его можно по справедливости рассматривать как новый, более развитый, по сравнению с замкнутым домашним хозяйством, тип хозяйственной организации. Конечно, существование свободных самостоятельных ремесленников можно отметить и в более ранние эпохи человеческой истории, но городская жизнь

средневековья представляет настолько характерные черты, что на ней мы всего лучше можем выяснить сущность этого нового экономического порядка.

Хозяйство города, слагающегося из свободных ремесленников, основывается на *дальнейшем расширении круга экономических отношений*; производительное и потребительное хозяйства здесь отделяются друг от друга путем установления прямого обмена между производителем и потребителем. [22] Ремесленник производит продукт, в котором сам он не нуждается (или нуждается в незначительной части общей массы производимых им предметов), но он не выносит своего продукта на рынок широкого и неизвестного ему круга покупателей, а изготавливает его, главным образом, на заказ. Отношения между производителем и потребителем имеют вполне непосредственный характер; не требуется ни торговца, ни биржи, ни сложных средств транспорта. Район, в пределах которого находились покупатели городских произведений, захватывал незначительное пространство вокруг рыночного центра, в несколько деревень, из которых в течение одного дня можно было добраться до города и вернуться обратно. Тем не менее, сравнительно с выше охарактеризованной формой замкнутого хозяйства, городское ремесленное хозяйство имело **более широкий круг отношений**; в нем сталкивались два обособившихся строя жизни – городской и деревенский, соединенные общими узами разделения труда и обмена продуктов.

Городские ремесленники, огражденные от феодального владельца дарованной им привилегией, от конкуренции в производстве и сбыте изготавливаемых ими продуктов монопольной цеховой организацией, владели своеобразной экономической силой, обеспечивавшей им некоторое время устойчивое и цветущее состояние. И, как всегда бывает, устойчивость жизненного строя создавала в цеховом кругу известные житейские добродетели. Отношения в средневековом ремесле имели ярко выраженный патриархальный характер, близкий по [23] духу к интимному укладу семьи. Цехи заботились о том, чтобы продукты, изготавливаемые их членами, были доброкачественны, и чтобы при сбыте их не было обмана. Изделия, произведенные с нарушением цеховых правил, считались «фальшивыми», как фальшивая монета, и лица, изготовившие их, несли определенное наказание. Этим поддерживалось чувство моральной ответственности перед покупателем, естественно возникавшее в силу непосредственной и постоянной связи городского ремесленника с его заказчиком. Мастер должен был поставлять «справедливую» работу. Этический элемент проявлялся и в отношениях самих мастеров друг к другу (корпоративный дух, находивший себе выражение в общих собраниях, празднествах, помощи в трудных

обстоятельствах) и к подчиненным им лицам – подмастерьям и ученикам. Первоначально эти последние входили как бы в состав семьи мастера, относились к нему не как к представителю иного общественного класса, а только как к более старшему и опытному товарищу. И ученик, и подмастерье сами становились через известное количество лет самостоятельными мастерами. Как справедливо замечает Зомбарт, учреждение ученичества было повсюду стереотипным явлением, вытекавшим из природы ремесла. Ремесло без ученика нельзя представить себе как нечто целое; ученик служит как бы связующим звеном между отдельными поколениями, он обеспечивает ремеслу историческую непрерывность, обеспечивает его от вымирания. Положение подмастерья не так тесно связано с сущностью [24] ремесла, но в период расцвета цеховой жизни, в период типической формы средневековой ремесленной организации и подмастерье является не более как временным помощником мастера, входит в его семью и пользуется там вниманием и правами как, бывший ученик и будущий мастер⁽⁵⁾.

Такой строй отношений существовал, однако, недолго. Постепенное расширение круга рыночных оборотов стало создавать бреши в некогда столь прочной твердыне цеховой организации. С одной стороны, под влиянием новых условий, самые цеховые порядки стали разлагаться и приходили в упадок, с другой, наряду с этой старой, традиционной формой промышленности, стали возникать новые, мало-по-малу вытеснявшие цеховых мастеров из их позиций. Прежде всего, когда развитие денежного хозяйства и расширение круга рыночного обмена создало почву для образования более крупных предприятий, мастера-хозяева стали стремиться поставить себя в более благоприятные условия сравнительно с младшими членами цехов. Обязательные взносы как при поступлении в ученики, так и для получения звания мастера, увеличиваются до громадных размеров. Количество подмастерьев, работающих у одного мастера расширяется и, и вместе с тем их шансы сделаться в свое время мастером все более и более падают. Между мастерами-хозяевами и их подмастерьями образуется глубокая разница в общественном [25] положении и перспективах на будущее, и тем самым отношения их из мирно-патриархальных переходят в открытую вражду. Растут недовольство и ропот против хозяев, переходящие временами в коллективные «восстания», напоминающие собой стачки рабочих в современной индустрии. В XVI и в особенности в XVII и XVIII вв. былые счастливые времена цеховой жизни исчезают безвозвратно, и вместе с тем укрепляются и растут новые промышленные формы, обнаруживающие в себе все более и более явственные признаки нового хозяйственного строя, не закончившего еще цикла своего развития и по настоящее время, именно **народного или капиталистического хозяйства.**

Новая система хозяйственной организации, подобно предыдущей появляется не в связи с преобразованием *техники* производства, не с машиной и паровым двигателем, а *в силу дальнейшего расширения круга хозяйственных отношений* и прежде всего в связи с усложнением и развитием менового оборота. Стремления хозяйственных сил этого переходного времени выбиться из тесного круга устаревшей хозяйственной организации находят себе могущественную поддержку в государственной власти крупных монархий.

Уже с половины XVI столетия в Англии пускает крепкие корни капиталистическая домашняя промышленность. Производство сукна начинает гнездиться вне городов, с их цеховыми монополиями, - в сельских округах, под покровительством центральной государственной власти. Техническая сторона дела при этом вначале не изменяется. [26] Все идет как будто по-старому: мастер работает в собственном помещении с учениками и подмастерьями, применяя прежние технические приемы. Но его экономическое положение радикально изменилось. Между ним и потребителем его изделий продвинулась новая фигура, незнакомая патриархальному ремесленному строю, - фигура капиталиста-предпринимателя. Этот предприниматель (*clothier*) сначала занимается скупкой готовых изделий, затем снабжает мастеров сырыми материалами и постепенно становится центральным действующим лицом новой формы промышленности. Он покупает шерсть, отдает её спрядь, соткать из пряжи сукно, свалить его и выкрасить и продает готовый товар сукноторговцу (*draper*)⁽⁶⁾. Организующей и объединяющей силой, с которой он подходит к зависимым от него мастерам, является **капитал**, сосредоточенный в его руках. В значительной мере это - капитал **торговый**, и по его происхождению и по применению к домашней промышленности, развитие которой тесно связано именно с расширением торговых оборотов. Торговля приобретает в это время растущее значение в экономической жизни европейских наций и пользуется заботливым и энергическим покровительством государственной власти.

Внутренняя торговля получает могущественный толчок устранением таможенных застав, усовершенствованием норм торгового права, развитием денежной системы и банкового дела, улучшением [27] сухопутных и водных путей сообщения, развитием крупного ярмарочного торга (ярмарки в Париже, Бокере, Лионе, Дижоне во Франции, Франкфуртская и Лейпцигская ярмарки в Германии). Внешняя торговля развивается путем создания крупных привилегированных компаний, а ввоз и вывоз товаров регулируются правительством с целями обеспечить дешевое сырье внутреннему производству и облегчить вывоз готовых изделий за границу.

Рядом с домашней капиталистической промышленностью и отчасти уже вытесняя ее, нарождается новая форма капиталистического предприятия – централизованная мануфактура. Мануфактура насаждается правительством путем приглашения искусных иностранных предпринимателей, мастеров и даже простых рабочих и поощрением централизации производства у местных промышленных деятелей. Отчасти она удовлетворяет нуждам двора и знати (ковровые, шелковые, зеркальные, кружевные мануфактуры), отчасти рассчитывается на более широкий круг покупателей (суконные, полотняные мануфактуры, мыловаренные, железоделательные заводы).

Все эти мероприятия правительства, игравшие столь крупную роль при переходе от замкнутой системы домашнего хозяйства и ремесленно-цеховой организации к крупному капиталистическому производству и обращению, вызывались не только дальновидными расчетами крупных государственных деятелей того времени (Кольбер!), но и потребностями самой государственной власти. Крупные абсолютные монархии XVII и XVIII вв. не могли [28] держаться на основах, даваемых прежним хозяйственным строем; им нужны были деньги для содержания армии и оплачиваемого чиновничества, для ведения внешней политики, а средства страны, имевшей хозяйственным базисом первобытное земледелие и ремесло, были уже недостаточны для этого. Отсюда энергичное государственное поощрение новым экономическим силам, крупному капитализму, выразившееся в политике меркантилизма. Недаром историк французской промышленности называет Кольбера «организатором абсолютной монархии»⁽⁷⁾.

Однако, поощряя развивающуюся промышленность, государственная власть имела в виду, конечно, прежде всего свои собственные интересы, а с другой стороны, она не могла отрешиться от приемов управления, свойственных абсолютизму. Регламентация приемов производства, заимствованная абсолютизмом у старой цеховой и муниципальной политики, при новых, более сложных и тонких формах производства, вскоре выродилась в мелочное вмешательство бюрократии, придирчивый и стеснительный контроль, затрудняющий техническое развитие и усовершенствование экономической организации этих новых предприятий. Чем больше крепла и становилась на собственные ноги крупная буржуазия, тем невыносимее становилась для нее промышленная опека, тяготевшая над всем хозяйственным строем абсолютных монархий, и [29] с тем большей энергией стремилась она от нее освободиться⁽⁸⁾.

Конец XVIII и начало XIX вв. отмечены поэтому борьбой буржуазии против старого режима. Система правительственной регламентации и опеки сменяется системой политической и промышленной свободы. Новое государство берет в свои руки наследие абсолютизма и по существу

продолжает его дело, хотя и иными средствами. Так постепенно подготавливается современный нам экономический строй, расцвет которого захватывает собой близкое к нам время, приблизительно начиная с середины XIX столетия, а корни идут далеко в глубь исторической жизни европейских народов. С конца XVIII и начала XIX вв. промышленность, торговля, кредит и пути сообщения развиваются и совершенствуются гораздо более быстрым темпом; появляются одно за другим великие технические изобретения, организация различных форм хозяйственной деятельности претерпевает в короткое время глубокие изменения, и новые хозяйственные [30] отношения отливаются в резко определенную форму, приобретают своеобразные типические черты, резко отграничивающие их от прежних хозяйственных укладов.

Обращаясь теперь, после этих предварительных замечаний о переходном времени, к характеристике развитого капиталистического хозяйства, как своеобразной формы экономической организации, мы должны постоянно иметь в виду, что мы имеем здесь дело не с законченным циклом, сказавшим уже свое последнее слово, а с живым, постоянно изменяющимся и формирующимся на наших глазах процессом общественных отношений.

Чем же характеризуется эпоха развитого капитализма в отличие от рассмотренных уже нами эпох замкнутого домашнего хозяйства и ремесленного производства? Прежде всего – перераспределением главных отраслей народно-хозяйственной деятельности. Если раньше основой хозяйственной жизни было земледелие, то теперь центр тяжести переносится в промышленность. Современное капиталистическое государство из аграрного (Agrarstaat) становится все более и более промышленным (Indusriestaat). Было бы, однако, неправильно думать, что земледелие оставалось совершенно вне общего движения. Оно испытывает чрезвычайно крупные преобразования, как в смысле отношений между связанными с ним общественными группами (освобождение крестьян и вообще развитие нового аграрного права), так и со стороны техники (новые системы полеводства, рациональные приемы удобрения, применение машин и т.п.). [31] Некоторое время национальное сельское хозяйство, поднятое на высокую, сравнительно с прежним, ступень производственной техники и экономической организации, расширяя внутренний рынок для сбыта городских произведений, служит живой поддержкой и энергичным стимулом развивающемуся промышленному капитализму. В типических странах новейшего капитализма: Англии и Германии – период с конца XVIII в. до семидесятых гг. XIX (в Германии он начинается по понятным причинам несколько позже чем в Англии) – представляется для сельского хозяйства

эпохой переворота и расцвета, без понимания которой нам неясны были бы во многих отношениях и судьбы новейшей индустрии.

Тем не менее, нигде действие новых сил не проявилось с такой яркостью и быстротой, как в индустрии (включая транспорт), и потому переход к новейшему экономическому строю называют просто «промышленным переворотом» (industrial revolution).

Сущность этого переворота, так же как и переходных форм к новейшему строю, заключается **не целиком и не прежде всего** в колоссальном техническом прогрессе, как часто думают. Сущность его – в громадном, невиданном дотоле **расширении круга социально-экономических отношений**, в частности, в расширении рыночного оборота. Среди сил, способствовавших этому преобразованию хозяйственных отношений, нельзя не отметить и здесь политического фактора – нового государственного и правового строя. Что было начато [32] абсолютной монархией XVII и XVIII вв., заканчивалось новыми формами государственной жизни, а отчасти и старой монархией, но под давлением новых порядков и новых веяний (Пруссия). Создавалась как бы новая общественная атмосфера, в которой укреплялся и рос новый хозяйственный строй. Эта особая атмосфера заключалась во всепроникающем начале **свободы**, освобождения не только от гнета абсолютного режима, правительственного произвола и опеки, сословной зависимости и ограниченности в правах, вообще от старых юридических норм, но и от старых традиций и авторитетов. Повсюду старая связанность и стесненность личности (перед государственной властью или помещиком, цеховым порядком или просто дедовскими обычаями и т.п.), сменяется свободой индивидуального самоопределения, изолированностью, частной инициативой. Принцип «Laissez faire, laissez passer» становится всеобщим лозунгом. Вскоре обнаруживается, однако, что политическое и культурное освобождение личности не сделало ее в действительности свободной от всяких связей и зависимости, и что новый хозяйственный строй таит в себе в этом отношении новые опасности, невиданные ранее. Связывая отдельные хозяйственные единицы широкой и запутанной сетью взаимных отношений обмена, влиять на которые каждая отдельная личность так же бессильна, как на стихийные явления природы, современный капитализм естественно порождает все ярче и ярче разгорающиеся стремления к объединению, коллективной деятельности, страховке жизненного риска. И потому при сохранении принципа [33] свободы, индивидуальная изолированность и исключительность уступают место разного рода коллективным организациям. Капиталисты-предприниматели объединяются в товарищества, компании, синдикаты; рабочие – в профессиональные союзы и

потребительские общества; крестьяне – в сельскохозяйственные кооперативы. Все больше растут и социально-экономические начинания общественных публичных союзов – государства, муниципалитетов и т.п.

Но эти новые коллективные организации в отличие от прежних, основанных на обычае и авторитете, строятся на известном **рациональном** расчете и не стремятся поглотить **всю личность** целиком, со всем ее духовным содержанием, а лишь одну сторону ее существа, «деловую», и потому они представляются сравнительно односторонними, прозаическими, но зато определенными, ясно и точно отграниченными. В этом смысле все указанные начинания являются характерным порождением духа времени, духа капиталистической эпохи.

Это дух **рационализма**, точного количественного учета, настойчивого преследования определенной хозяйственной цели без оглядки по сторонам. Он коренится уже в первых шагах нового хозяйственного строя, находит себе резкое выражение в хозяйственных деятелях времен реформации, но достигает своего полного и законченного развития только в XIX веке в новой социальной атмосфере. Первоначально он осложняется некоторыми моральными и даже религиозными моментами. В известных словах Якова Фуггера слышится явственный этический [34] оттенок,⁽⁹⁾ а в некоторых протестантских группах – кальвинистов, пиэтистов, методистов, баптистов – как показал Макс Вебер в своем блестящем этюде, – промышленные успехи тесно связывались с аскетическим отношением к жизни, с религиозной выработкой нравственной личности, с глубоким и искренним религиозным воодушевлением⁽¹⁰⁾. Однако и в этой странной на первый взгляд связи, в этом соединении набожности и аскетизма с духом приобретения и наживы, отчетливо проявляется характерная черта грядущего хозяйственного уклада, рационалистический характер религиозного убеждения, утилитарная основа мирозерцания. Она-то и помогала промышленным деятелям того времени оставаться в религиозном отношении цельными людьми, преследуя при этом задачи приобретения и наживы.

К середине XIX в., и прежде всего на родине новейшего капитализма, в Англии, этот дух находит себе воплощение в известном образе «экономического человека», уродливо отразившем в себе господствующие тогда начала промышленной свободы. И только со второй половины XIX в. начинает явственнее обозначаться специальная сфера проявления духа рационализма, которая не стесняла и не нарушала бы единства индивидуальной и социальной жизни, занимая надлежащее, приличествующее ей служебное место в общем [35] комплексе человеческих целей и стремлений, венчаемом религиозным и нравственным чувством.

Рационализм нового хозяйственного строя ярко сказался в современной **технике**. Современный человек все более и более отрывается от старой таинственной связи с природой, от инстинктивного приспособления и слепой стихийной борьбы с нею, но все более и более проникает свои отношения к ней сознательным уяснением действующих в ней сил и процессов, рациональным предвидением и расчетом. Место эмпирических навыков и личного искусства, окружавших некоторой таинственностью и недоступностью для непосвященных мир средневекового промысла, занимает точный научно-технический расчет, а роль исполнительной силы все более и более отводится механическим, химическим и т.п. процессам.

Наиболее ярким и типическим выразителем новейшего строя промышленной техники является **машина**. Крупное машинное производство становится типической формой новейшей промышленности и мало-по-малу вытесняет мелкое ремесленное и капиталистически-организованное домашнее производство, имея перед ними громадное преимущество как в сравнительно улучшенных способах изготовления продуктов, так и в более выгодных условиях закупки сырых материалов и сбыта готовых изделий.

В Англии в прядильной промышленности победа крупного машинного производства над мелким ручным совершилась еще в XVIII в. Толчок техническим усовершенствованиям этой промышленности [36] был дан незначительным сравнительно изобретением «летающего челнока» (fly shuttle) в ткачестве. Ткачи могли выработать вдвое большее количество ткани, чем прежде, и прядильщицы не успевали подготовить столько пряжи, сколько было нужно. Дороговизна пряжи побудила одного ткача (**Харгривса**) изобрести (в 1764 году) прядильную машину («Дженни») из 8 веретен, вставленных в раму и приводимых в движение одним колесом, причем пальцы прядильщика заменялись подвижной «кареткой». Впоследствии число веретен в раме было увеличено до 20, 30 и 120.

Сначала Харгривс пользовался только сам своим изобретением, но затем стал делать и продавать свои «Дженни» другим ткачам; несложность механизма способствовала широкому распространению машины, так как ее легко можно было сделать простой ручной работой. Харгривс не мог поэтому обеспечить себе пользования своими патентными правами и умер, как говорит историк английской хлопчатобумажной промышленности, «не получив ни малейшего вознаграждения за свое ценное изобретение». Дальнейшее усовершенствование прядильного дела связано с именем **Аркрайта** (имевшего целый ряд менее счастливых предшественников), изобретшего «прядильную раму» или «водяную раму» (water-frame), так как она приводилась в движение водой (в 1768-71 гг.). Благодаря этому изобретению, хлопчатобумажное ткачество освободилось от необходимости

употреблять льняную основу, так что потребление хлопчатобумажной пряжи соответственно расширилось. Наконец **Кромптон** скомбинировал принципы [37] машин Харгривса и Аркрайта, создав так называемую «mule» (в 1774-1779 гг.), с помощью которой стало возможно выделывать из хлопка основу для самых тонких тканей⁽¹¹⁾.

Этими изобретениями и открывается новая эра в прядильной промышленности Англии; ручное прядение исчезает без следа, и прядильщик становится типичной фигурой рабочего крупной промышленности, получающего высокую заработную плату, склонного к энергичной защите своих интересов, к участию в политической жизни и т.д.

В ткацкой промышленности технический прогресс совершался медленнее. В 1785 году священник **Картрайт** изобрел механический ткацкий станок, но эта машина страдала многими несовершенствами, так что ручное ткачество продолжало существовать. Только в 30 и 40 гг. XIX ст. были произведены существенные улучшения в механическом станке, и с той поры ручное ткачество быстро вымирает. Медленное распространение машинного производства в ткацком деле было причиной того, что переходное бедственное время для ручных ткачей стало хроническим. Они могли держаться против машин сравнительно долго, но эта борьба стоила им чрезвычайных лишений. Они удлиннили до крайних пределов свой рабочий день и все-таки зарабатывали так мало, что могли жить только впроголодь. В Болтоне ручные ткачи в 1800 году имели еще чистый недельный заработок в 15 шилл. 6 пенсов; в 1834 г. он [38] понизился до 4 шилл. 1 ½ пенсов; в Глазго заработок ручных ткачей понизился с 14 шилл. В 1797 году до 7 шилл. 6 пенс в 1833 и т.д.⁽¹²⁾.

Так самостоятельное ручное производство уступило место машинному труду в крупной промышленности. В личном составе участников производственной деятельности обособились, таким образом, две резко различающиеся друг от друга группы: с одной стороны, **капиталисты**, владеющие средствами и орудиями производства, с другой – **наемные рабочие**, лишенные этих средств и предлагающие только свою рабочую силу. Далее среди второй категории мы усматриваем значительное количество **женщин и детей**, труд которых стал возможен благодаря широкому применению машин, не требующих ни большой физической силы, ни продолжительной подготовки. В детском труде на фабриках многие очень долго видели совершенно новое явление, порожденное капитализмом. На самом же деле детский труд применялся и ранее, только в меньших размерах и менее заметно для образованной публики. В ручном прядении и ткачестве участвовали не только взрослые, но и дети; дети же в большой мере работали и на мануфактурных предприятиях. Но только с той поры, когда [39] детский

труд стал применяться к машинному производству, к нему обратилось внимание общества, и были созданы нормы законодательной его защиты. Как велико число детей, занятых в настоящее время в фабричной промышленности и вне ее, можно видеть на примере Англии. По отчету «Департамента Труда» в 1891 году в Англии и Уэльсе в главнейших отраслях промышленности было занято детей:

	Детей в возрасте от 10 до 15 лет		
	Мальчиков	Девочек	Всего
Всего в текстильной промышленности	63 872	80 597	144 469
Домашнее и личное услужение	8 667	110 198	118 865
Перевозка товаров и передача известий	96 576	2 576	99 152
Земледелие	71 519	1 517	73 036
Производство платья	16 619	35 020	51 639
Горная промышленность. Угольная	31 318	249	31 567
Добывание других минералов	1 208	175	1 383
Пища и жилище	18 393	3 246	21 639
Строительная и мебельная промышленность	14 005	1 183	15 188
Неквалифицированный труд (General Labour)	13 081	95	13 176
Производство железа и стали	10 501	472	10 973
Коммерческие и иные клерки	9 732	523	10 255
Всего детей от 10 до 15 лет, занятых хоз. трудом	419 209	262 194	681 403
Всего незанятых детей	1 191 649	1 350 515	2 542 164(13)

[40] Из этой таблицы видно, что более всего было занято детей в текстильной промышленности (суммируя все ее отрасли), далее следуют домашние услуги (огромное большинство приходится на девочек) и доставка товаров и известий (по преимуществу мальчики). Очень много мальчиков показано и в земледелии, что еще раз свидетельствует о том, что не одна фабрика эксплуатирует детский труд (между тем на земледельческих малолетних рабочих защита фабричного законодательства не распространяется; некоторую защиту им дает только законодательство об обязательном посещении школы). Наконец довольно крупная цифра детей (мальчиков) отмечена для угольной промышленности

Мы уже упоминали, что с усилением применения детского труда на фабриках на его защиту выступило фабричное законодательство, которое установило предельный возраст для приема детей на фабрики и ограничило количество часов труда для тех детей, которым разрешена фабричная работа. Эти меры не могли остаться без влияния на сокращение количества детей, занятых в промышленном труде, с дальнейшим развитием капитализма.

Количество детей до 13 лет (half-timers) на английских текстильных фабриках по данным переписи 1891 года с 1874 года уменьшалось следующим образом:

В 1874 году их было 125 886, в 1878 - 110 585, в 1885 - 91 651 и в 1890 - 86 468 человек.

В Соединенных Штатах процент детей (от 10 до 15 лет), занятых в различных отраслях [41] промышленности, упал с 1880 года по 1890 с 16,8% до 10,3%⁽¹⁴⁾.

То же самое справедливо и относительно **женского труда**. Фабрика расширила формы применения женского труда, но не она создала его⁽¹⁵⁾. В домашней прядильной и ткацкой промышленности женщина работала с давнего времени; так же велико всегда было применение женского труда в швейном деле. Эксплуатация принимала там не менее угрожающие формы, чем на фабрике; не меньше были и моральные опасности; но только с появлением фабричной женской работы прямым вмешательством государства был поставлен вопрос об охране нравственности, здоровья и интересов работницы.

Как велико участие женского труда в современном капиталистическом хозяйстве, можно видеть из следующего примера: рассматривая данные об участии мужского и женского труда в десяти главнейших отраслях английской индустрии за пятидесятилетие с 1841 по 1891 год, находим, что в то время как число мужчин, занятых в этих отраслях промышленности, увеличилось на 53%, число женщин выросло на 221%. Абсолютные цифры, относящиеся сюда, имеют следующий вид: [42]

Всего в 10 отраслях⁽¹⁶⁾ промышленности насчитывалось:

1841 г.		1851 г.		1861 г.	
мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1 030 600	463 600	1 324 200	997 910	1 357 200	1 150 106
1871 г.		1881 г.		1891 г.	
мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1 385 500	1 203 200	1 401 900	1 299 500	1 576 100	1 447 500

В некоторых отдельных отраслях промышленности участие женщин еще значительнее; так в текстильной промышленности в 1891 г.

насчитывалось на 430 500 мужчин 585 600 женщин⁽¹⁷⁾. В этом привлечении женщин к промышленной деятельности наравне с мужчинами многие видят такое же социальное зло, как в применении детского труда. В начале капиталистического развития, действительно, труд женщин на фабрике представлял во многих сторонах неутешительное явление, расстраивая нормальный ход семейной жизни и подрывая физические силы женщин. На борьбу с этими вредными условиями выступило фабричное законодательство, принимая женский и детский труд под свою защиту и устанавливая для его применения нормы, необходимые с гигиенической и моральной точек зрения. Желательно, конечно, чтобы государство и далее развивало свою деятельность в этом направлении, потому что в [43] женском фабричном труде самых передовых государств и теперь еще замечается много вопиющих недостатков. Но было бы фальшиво сентиментальностью видеть в самом этом труде нечто несвойственное женщине. В положении фабричной работницы есть и хорошие стороны, на которые могут опереться прогрессивные стремления современной женщины, так как, участвуя в промышленном труде, она становится фактически равноправной с мужчиной и может завоевать себе самостоятельность и в кругу семейных отношений. Вот почему самые ревностные защитники европейской работницы постоянно высказываются не за полное освобождение ее от промышленного труда и возвращение к домашнему очагу, а лишь за гарантию нормальной обстановки ее работы, соответственно экономическим, моральным и гигиеническим требованиям⁽¹⁸⁾.

Среди сторонников уничтожения женского труда на фабриках мы встречаем по преимуществу таких лиц, которые относятся с полным отрицанием к крупным капиталистическим предприятиям, но не во имя преобразования общества на новых более справедливых началах, а из пристрастия к прежним, уже отжившим формам хозяйственного строя, в которых женщина не смела еще помышлять о свободе и самостоятельности. «Фабричная работница, - пишет Жюль Симон в своей известной книге «L'ouvrière», - занята не особо утомительным трудом; помещение, где она работает, лучше ее жилища; она получает большую плату, сравнительно с домашним [44] заработком за шитье и вышивание». «Итак, где же зло?» - спрашивает он. Ответ прост: Женщина, сделавшись работницей, перестает быть женщиной. Вместо замкнутой, укрытой, целомудренной жизни, полной дорогих привязанностей, столь необходимой для ее и даже для нашего счастья, она живет под владычеством надсмотрщика, среди товарок сомнительной нравственности, в постоянном общении с мужчинами, отделенная от мужа и детей»⁽¹⁹⁾. Такие тирады можно постоянно слышать от людей, которые желали бы воскресить доброе старое время, когда общество делилось на много замкнутых каст, когда каждый знал свое место и умел слепо подчиняться авторитету. О том, что прежние формы женского труда были не менее вредны для здоровья и не реже были сопряжены с опасностью

для нравственности (стоит вспомнить хотя бы о модистках и белошвейках), эти противники работы женщин не вспоминают. Не думают они также и о том, что в составе женщин-работниц немало девушек, которые не имеют еще своего самостоятельного домашнего очага, и вдов, которым не откуда ждать поддержки⁽²⁰⁾.

Фабричная работа впервые открыла трудящейся женщине перспективы самостоятельности и деятельности на широкой общественной арене за [45] пределами семейного союза. Работница, участвующая в профессиональном рабочем союзе, знающая свои права при работе, предоставленные ей фабричным законодательством, и умеющая защищать их, не потеряна для семейной жизни, а наоборот, внесет и в семейную обстановку, в свои отношения к мужу и детям, более разумные, гуманные и справедливые начала, чем покорно-пассивная или забитая раба патриархальной семьи.

Итак, господствующим типом развитого капиталистического строя стало крупное производство. Особенно сильно развились, помимо крупной текстильной промышленности, горное дело, железодобывающая промышленность и машиностроение. Употребление парового двигателя потребовало громадных количеств каменного угля; для постройки машин и приспособлений для них нужно было добывать много железа. С этим развитием и концентрацией крупных предприятий, капиталистические страны стали мало-по-малу дифференцироваться на обособленные промышленные округа, в каждом из которых сосредоточивалась какая-либо специальная отрасль промышленности. Развитие путей сообщения открывало возможность отдаленной перевозки продуктов; поэтому каждая промышленность стремилась избрать себе место наиболее удобное по естественным и иным условиям. В Англии, например, хлопчатобумажная промышленность сосредоточилась в Ланкашире, кораблестроительная – на Тайне, шерстяная – в Йоркшире и т.д. В каждом же из этих округов стали вырастать промышленные [46] центры, притягивавшие к себе население из окрестных местностей. **Городская жизнь** стала развиваться на счет сельской.

Если взять для примера из английских городов Бирмингэм (центр металлургической промышленности), Лидс (шерстяной) и Манчестер (хлопчатобумажной), то легко увидим, как отразилось на росте городов развитие капиталистической промышленности:

	Было жителей		
	в Бирмингэме	в Лидсе	в Манчестере
В 1801 г.	73 000	53 000	35 000
В 1841 г.	181 000	152 000	353 000 ⁽²¹⁾

К началу XX столетия (по данным переписи 1901 года) городское население Англии и Уэльса составляло уже 77% всего населения, а сельское – всего 23%. При этом в 9 городах с населением свыше 250.000 жителей жило в

общем немного менее 1/4 всего населения и на один только Лондон приходилась в 1901 году чудовищная цифра в 6.581.372 чел⁽²²⁾.

В Германии быстрый рост городского населения замечается в 50-х и в особенности с 70-х гг. XIX столетия, т.е. параллельно с развитием крупной индустрии.

В Германской Империи жило в городах

В 1871 году – 36,1%, в 1875г.-39%, 1880 г. – 41,4%, 1885 г.- 43,7%, 1890г.- 47% и в 1895г. -49,8% всего населения страны ⁽²³⁾.

Несколько медленнее продвигался процесс развития городского населения во Франции; общая тенденция и здесь, однако, выражается очень ярко. За пятидесятилетие с 1836 по 1886 г. население городов Франции увеличивалось следующим образом:

Города с населением (жителей)	Число городов в 1836 г.	Число городов в 1886 г.	Увеличение населения в % с 1836 по 1886г
10 000 - 15 000	52	87	61,6
15 000 - 20 000	24	48	77
20 000 - 30 000	20	45	74,2
30 000 - 50 000	8	25	195,6
50 000 - 100 000	6	19	328,6
100 000 и больше	9	11	129,8

Если взять отдельные примеры, то картина будет еще поразительнее. Так Рубэ, в начале XIX столетия был еще жалким местечком с населением всего около 8 тысяч жителей; с двадцатых же годов XIX века, по мере развития в нем крупной (текстильной) промышленности, он стал необыкновенно быстро увеличиваться:

В 1821 году в нем было уже 18 187 жителей, в 1869 - 65 091, в 1886 - 100 299 жителей ⁽²⁴⁾. [48]

Еще быстрее росли города в Соединенных Штатах Северной Америки. Еще в 1820 году в Соединенных Штатах только 1/20 часть населения помещалась в городах, имеющих более 8.000 жителей. К 1900 г. она поднялась уже до 33,1%. В городах вообще (т.е. местах, имеющих согласно классификации американского ценса, от 4.000 жителей) в 1900 г. насчитывалось уже 37,3% всего населения, а в семи восточных (промышленных) штатах – более 50% ⁽²⁵⁾. Рост отдельных городов шел

поистине сказочным темпом. Чикаго в год основания (1837 г.) имел 4170 жителей, а в 1880 году в нем насчитывалось уже 503 000 жителей.

Таким образом города стали в XIX столетии играть крупную роль в жизни европейских народов. Первоначально, в силу неблагоприятных условий, в какие были поставлены жившие там трудящиеся классы, в городской жизни видели источник разнообразных пороков, преступности, вырождения. Но по мере последовательного роста культуры, улучшения муниципальных учреждений и развития их деятельности, по мере того, как [49] трудящимся классам удалось обеспечить себе более сносные условия существования, физиономия европейского города существенно изменилась к лучшему. Город рисуется теперь не только в виде места, предназначенного для тяжелой, утомительной и истощающей работы, но и как культурный центр, средоточие просвещения и более живой общественно-политической атмосферы. Городские рабочие более образованы и развиты, лучше организованы в профессиональные и иные союзы. К их услугам ежедневная пресса, музеи и библиотеки, лекции, товарищеские собрания и митинги. Освобождаясь от трудового дня, они легко находят возможность посвятить свое остальное время высшим сторонам жизни. С другой стороны, при таких условиях им легче оказывать влияние и на изменение своего материального положения.

Таковы черты капиталистической организации хозяйства в области производства. Что касается сферы **обмена**, то и здесь мы находим крупные изменения сравнительно с охарактеризованными нами выше более ранними экономическими формами. Процесс общественного разделения труда идет при капиталистическом хозяйственном строе гораздо более быстрым темпом, чем в предыдущие эпохи общественного развития. Промышленность сельскохозяйственная и обрабатывающая все более и более дифференцируются; каждая отрасль промышленности раздробляется на множество самостоятельных ветвей, и вместе с тем параллельно с таким дифференцирующим процессом развивается и процесс общественной интеграции. Отдельные хозяйственные единицы не изолированы друг [50] от друга, как при строе замкнутого домашнего хозяйства, а напротив, находятся в сильном взаимодействии, и тем в большей степени, чем дальше проводится специализация занятий. Продукты, производимые в капиталистическом хозяйстве суть **товары**; все они вовлекаются в обширную сеть менового оборота. Рынок, благодаря массовому производству, специализации промыслов и усовершенствованиям транспорта, все расширяется и, в конце концов, обращение товаров принимает форму международного и мирового обмена. Железные дороги, каналы, океанические пароходы связывают отдаленнейшие пункты земного шара тесными экономическими узами. Развитие кредита и акционерных предприятий еще более усиливает темп развития гигантского механизма современного товарного обращения. Таким образом **расширение рынка** до возможных пределов составляет

характерную черту современного экономического строя. Деятельность, например, английской фабрики часто стоит в непосредственной зависимости не от английских покупателей, а от какого-либо азиатского или африканского рынка. Если в этих далеких уголках земного шара случаются какие-нибудь неблагоприятные осложнения, сокращающие спрос на товары, то фабрика эта будет поставлена в чрезвычайно затруднительное положение. Самый внутренний спрос также далеко не отличается устойчивостью. Это несоответствие между предложением и спросом коренится в самой сущности нового капиталистического строя. Связь между производством и потреблением, столь ясная, например, в эпоху замкнутого домашнего хозяйства, в настоящее [51] время затемняется благодаря необычайной широте и неопределенности рынка, неорганизованности производства. Капиталистический строй покоится на противоречивых основаниях, из существа которых вытекают и неурейства товарного обращения. Производство имеет в известном смысле общественный характер: каждое предприятие, каждая отрасль промышленности поставлены в тесную зависимость друг от друга, служа как бы органической частью сложного, но единого целого, и в то же время во главе каждой хозяйственной единицы стоят изолированные предприниматели, действующие каждый исключительно в своих личных интересах и за свой личный страх и риск и имеющие единственной целью – получение возможно большей прибыли. В том, что им надо производить, они руководствуются не определенным сознанием той или иной действительной общественной потребности, а смутными указаниями рыночного спроса. Покупатели произведений капиталистической промышленности рассеяны по всему миру; их надо отыскать, привлечь, в крайнем случае принудить силой. Отсюда крайняя неустойчивость современной промышленности, ее погоня за новыми рынками, ее охота на покупателей путем самых беззастенчивых реклам, приманок дешевой, премиями, потворством низшим инстинктам. Самые войны имеют теперь основой уже не религиозные или династические цели, как прежде, а промышленные и коммерческие интересы, стремление захватить новые рынки для сбыта товаров и помещения в новых землях свободных капиталов. В этой погоне за покупателем между [52] самими промышленными и торговыми предприятиями свирепствует ожесточенная конкуренция, стремление по возможности обогнать или совсем уничтожить своих соперников. При недостатке точных сведений ни о размерах будущего спроса, ни об объеме предложения со стороны конкурирующих фирм, в современные промышленные и коммерческие расчеты проникает дух спекуляции, предположительного и часто преувеличенного вычисления будущих выгод. Правда, с развитием капиталистического производства конкуренция отдельных предприятий в одинаковых отраслях промышленности начинает сменяться обширными монополиями – синдикатами, трестами. Но существо дела остается

прежним и при этом изменении формы капиталистических предприятий. Стихийная неорганизованность всего народного хозяйства остается прежней, а дух безудержной спекуляции продолжает питаться существенной особенностью капиталистического хозяйства. Ведь его целью является безостановочное получение прибыли; всякий новый, накопленный свободный капитал настойчиво требует немедленного «рентирования». Механизм капиталистического производства не только должен работать безостановочно, но и постоянно расширяться, чтобы выполнять свое основное предназначение – доставлять прибыль. А правильная работа этого сложного механизма возможна лишь в случае надлежащего распределения капиталов между его отдельными отраслями. Такое распределение, при обширности и сложности современных хозяйственных отношений, складывающихся стихийно, вне какой бы то ни было планомерной организации, [53] есть в высшей степени трудная задача. Поэтому приспособление капиталистического производства к требованиям, которые ставит общее развитие хозяйственных отношений, совершается очень не гладко, с большими заминками и часто жестокими потрясениями. Новейшее промышленное производство имеет волнообразный характер: периоды сравнительного промышленного и торгового оживления и расцвета сменяются острыми кризисами или хроническими депрессиями. Легко представить себе всю сложность и запутанность этих отношений современного производства и сбыта, когда меновой оборот охватывает собой все страны мира.

Наконец, в сфере **распределения** при капиталистической организации хозяйства мы находим также крупные перемены. Общая сумма национального дохода, в силу необычайного подъема производительности труда быстро растет. Капиталистические нации становятся все **богаче**. В этой общей сумме дохода отчетливо обозначаются четыре его главные доли: поземельная рента, доход предпринимателя, прибыль на капитал (процент) и заработная плата – соответственно основным классам, на которые делится современное общество. Отношения между этими классами складываются в своеобразные формы, неизвестные ранее. Наиболее характерными представляются отношения между капиталистами-предпринимателями и наемными рабочими. Старые патриархальные связи, основанные на законе или обычае, сменяются простой связью «наличного расчета» (cash nexus), строятся на почве **свободного договора** между юридически равноправными, но чуждыми друг другу и антагонистически [54] настроенными лицами. Первоначально этот формально свободный договор сильно напоминает былые формы принудительно-зависимых отношений, но вскоре претерпевает существенные изменения, становясь из индивидуального **коллективным**. Отчасти в тесной связи с этим преобразованием форм договора, отчасти как результат общих условий новейшего капиталистического развития (прежде всего – повышения

производительности труда), доход рабочих классов постепенно увеличивается при сокращении часов труда и улучшении гигиенической обстановки работы. Нельзя не отметить здесь, что и в этом подъеме трудящихся классов значительную роль сыграли общеполитические условия. На почве политической свободы, открывающей возможность и рабочему классу наравне с другими слоями общества отстаивать свои интересы, развивалась мало-по-малу их союзная организация, видоизменялись законодательные нормы и повышался культурный уровень масс.

Таким образом общей чертой современного распределения народного дохода, в отличие от средневековой тяжеловесности и неподвижности, представляется эластичность, неустойчивость, изменчивость. В средние века, при неподвижных формах производственной техники и скованности (законом или обычаем) отношений между различными общественными группами, доход каждого лица определялся его принадлежностью к известному общественному классу, его общественным положением и назначением и часто в неизменном виде переходил от поколения к поколению. Только прибыль купца [55] выбивалась из этого строго очерченного круга, неся в себе элементы неустойчивости и неопределенности будущего строя. В настоящее же время подвижность доходов, неопределенность и неустойчивость положения отдельных лиц и целых общественных классов представляются неизбежным спутником всего хозяйственного строя, его всеобщим и характерным признаком.

Мы рассмотрели, в чем заключается основной характер главных типов экономического развития человеческих обществ. Но мы опять должны повторить, что эта характеристика ни в каком случае не может исчерпывать всего содержания экономической истории, и что, с другой стороны, в каждую данную эпоху мы найдем существование не только одного (преобладающего) типа, но и многих других экономических форм, из которых одни представляются пережитками более или менее отдаленного прошлого, другие – зародышами будущего развития. Основываясь на знании главнейших характерных типов экономического строя, мы можем легче разобраться в пестрой мозаике фактов действительной жизни. Мы будем в состоянии проследить в ней действие главных экономических сил, не спутывая границ проявления каждой силы и отводя каждому явлению его надлежащее место в общем жизненном строе. С другой стороны, всматриваясь в изменения, происходившие в хозяйственной жизни, мы легко отрешимся от обычного близорукого отношения к будущему. Зная, что в прошлом происходили великие перемены экономических отношений, мы уже *a priori* будем ожидать и в будущем подобных крупных [56] изменений, а изучая внимательнее условия существующего, найдем некоторые указания и на те формы, к которым тяготеет развитие наших экономических условий. И мы не будем со страхом или враждой относиться к этому будущему, не будем замыкаться в узкой сфере привычных нам впечатлений, а бодро посмотрим в глаза тому,

что нас ожидает. С человеком, не привыкшим глубоко вдумываться в смысл общественных явлений, при столкновении со смелой и широкой теорией происходит приблизительно то же, что бывает с жителем равнины, впервые восходящим на высокую гору. Перед ним раскрываются далекие перспективы, он в состоянии единым взглядом окинуть и пройденный путь, и предстоящую ему далекую дорогу, а он настолько свыкся с привычным ему узким горизонтом, что не замечает всего величия разворачивающейся перед ним картины. У него кружится голова от новых, не испытанных еще впечатлений, и он в безотчетном страхе закрывает глаза и просит спутника отвести его назад, в долину, где нет этих подавляющих картин... Но такое состояние не удержится долго: он привыкнет к новым перспективам и сумеет оценить красоту горного пейзажа. Так и изучающий социальную жизнь свыкнется постепенно с теми указаниями на будущее, которые дает ему это изучение, и все более и более будет понимать глубокий смысл старинного изречения: «Не нами мир начался, не нами и кончится».

- (1). См *K. Bucher*, *Die Entstehung der Volkswirtschaft*. 5-te, Tubingen, 1906, стр. 85-150
- (2). см *Gustav Schmoller*, «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre», Leipzig, 1900, стр. 241.
- (3). Относительно применения принципа кооперации в первобытных обществах см. в особ. *Зибера*: «Очерки первобытной культуры»
- (4). Со стороны специалистов, историков древности, схема Бюхера встретила резкие возражения, в особенности Эд. Мейера и Белоха, которые указывают на значительное развитие торговли и крупного производства во время хозяйственного расцвета Греции и Рима. Но эти возражения (направляемые по пути и против Родбертуса) идут мимо цели, потому что всякая схема общественного развития, а тем более захватывающая столь крупные эпохи, по необходимости должна быть упрощенной, по сравнению со всей сложностью действительных отношений. А каковы бы ни были цифры торговых оборотов Пирейской гавани в V в. до Р.Х. или размеры предприятий у некоторых лиц в некоторых греческих городах того времени – основное положение Бюхеровой схемы, что замкнутое хозяйство составляло наиболее характерный экономический тип у античных народов, остается непоколебленным. Уже один факт, что в самые цветущие времена Греции и Рима производство, а в особенности крупное, основывалось на рабском труде должен был бы отбить охоту разыскивать в древнем мире аналогии с современным капиталистическим хозяйством. См. *Ed. Meyer*, «Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums», *Jahrb. f. nat. Oek. u. Stat.*, 1895 (есть русский перев., изд. Водовозовой) и *J. Beloch*, «Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte», *Zeitschr. f. Socialwissenschaft*. 1902.
- (5). *W. Sombart*. *Der moderne Kapitalismus*. I Bd, 1902, стр. 119-121 1. Дж. Эшли (Ashley). Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. Москва, 1897 г, стр. 101-102.
- (6). *Эшли*, указ. сочин., стр. 500-501.
- (7). *Levasseur*, *Histoire des classes ouvrières en France*, том 2, стр. 169
- (8). Еще при Кольбере французская промышленность была опутана сложной сетью правительственных регламентов, кульминационным пунктом которых был знаменитый *arret du decembre 1670*, согласно которому выработка материй, несоответствующих изданным правительством правилам, каралась в первый раз – выставлением таких изделий у позорного столба с обозначением имени мануфактуриста, во второй раз – выговором и в третий раз - выставкой у позорного столба самого мануфактуриста. Правда, правительство не решалось, по-видимому, применять этой меры по всей строгости, по крайней мере по отношению к последнему пункту, но случаи выставления товаров у позорного столба были. *Levasseur*, II, стр. 190.
- (9). На вопрос, когда он перестанет трудиться ради наживы и удалится на отдых, Яков Фуггер отвечал: «*er wäre kleinmütig... er hätte viel einen andern Sinn, wollte gewinnen, diewell erkönnte*», *Sombart*, *Der moderne Kapitalismus*, I, 396.
- (10). *Der protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. *Archiv für Socialwissenschaft*, XX и XXI.
- (11). *Thomas Ellison*, *The Cotton Trade of Great Britain*. London 1886, стр. 17.-38
- (12). *Bowley*, *Wages in the United Kingdom in the XIX century*. Cambridge, 1900, стр. 112. подробные сведения об упадке ручного ткачества см. в старой работе *Maxwell*, *Manual labour versus machinery etc*. London, 1834 (речь в парламенте по вопросу о назначении комиссии для исследования причин бедности 500.000 ручных ткачей с документальными приложениями).

- (13). Цит. По *Richmond Mayo-Smith*, *Statistics and Economics*, стр.83.
- (14). *Mayo-Smith*, стр.84 – 86
- (15). Например, в кружевной промышленности Франции XVII в., созданной Кольбером, были заняты исключительно женщины. Они считались сотнями на отдельных предприятиях. *Levasseur*, указ. соч., стр. 201-202.
- (16). 1) Глиняная и фаянсовая посуда 2) топливо, газ, химические вещества 3) меха, кожа, клей 4) дерево, мебель, карты и т.д. 5) бумага, клеенка и т.д. 6) текстильные изделия, крашение 7) платье 8) пища, питье, куренье 9) часы, инструменты, игрушки 10) печатание, переплетное дело и т.д.
- (17). *John A.Hobson*, *The evolution of modern capitalism*. London 1894, стр.291 (есть рус. перев. изд. Поповой)
- (18). *Lily Braun*, *Die Frauenfrage*, 1901, стр. 490-493
- (19). *Jules Simon*, *L'ouvriere*, Paris, 1861, стр.V-VII.
- (20).См.,например, *Die Verhandlungen des Züricher Arbeiterschuttkongresses*, 1897, Законодательное запрещение фабричного труда замужних женщин привело бы в действительности только к переходу их к более тяжелым и менее регулируемым законодательством формам наемной работы.
- (21). *Nostitz*, *Das Aufsteigen der arbeitenden Classen in England*, Iena, 1900, стр. 6
- (22). *Statesman's Yearbook*, 1905, стр. 19-20.
- (23). *Sombart*, *Der modern Kapitalismus*, II, стр. 178
- (24). *E.Levasseur*, *La population Francaise*. Tome II. Paris, 1891, стр.343-354.. См., вообще всю XVII главу этого тома (*Les populations urbaines*). Общие цифры об отношении между городским и сельским населением Франции даны в I томе, гл.IV, стр.325-330. В обоих томах приведены интересные пояснительные диаграммы, а во втором – также и общие исторические замечания относительно некоторых городов Франции. Подробный очерк развития городов дают *Paul Meuriot*, *Des agglomerations urbaines dans l'Europe contemporaine*. Paris, 1897, и *A.F. Weber*, *The growth of cities in the XIX century*, 1899.
- (25). *Waentig*, *Die wirtschaftliche Bedeutung der Grossstädte*. Die Grossstadt.Dresden, 1902, 161

[57]

Лекция вторая

Задачи экономического исследования. - Взгляды классической школы экономистов. - Посылки эгоизма и свободной конкуренции. - Протест против выводов классической школы в связи условиями экономической действительности первой половины XIX в. - Германская историческая и историко-этическая школы. - Реакция против исторического направления (Менгер). - Новые взгляды на задачи исторического исследования (Риккерт). - Экономическая теория и вопрос о выводе «экономических» законов». - Посылки политической экономии. - Построение экономических идеалов. - Необходимость отрешиться при изучении экономических отношений от предвзятой точки зрения.

Рассматривая предмет, изучаемый политической экономией, мы пришли к выводу, что эта наука исследует явления хозяйственной деятельности людей, соединенных в общество. Вместе с тем мы установили, что политическая экономия изучает не всю хозяйственную жизнь в ее целом, а только одну сторону ее, именно ту, которая сводится к совокупности социальных отношений, возникающих между людьми на почве удовлетворения их разнообразных потребностей материальными средствами. Как мы видели, хозяйственная деятельность не представляется неизменной, застывшей в раз навсегда определенных формах. Современное народное [58] хозяйство есть продукт тысячелетнего исторического развития; оно носит на себе не только следы более или менее отдаленного прошлого, но и зародыши новых экономических явлений и отношений, которые выльются в будущем в более определенные и законченные формы.

Теперь мы должны перейти к другому, весьма важному предварительному вопросу экономической теории, - к вопросу о задачах, которые ставит себе экономическое исследование, и о приемах, с помощью которых оно осуществляет эти задачи.

Для серьезного изучения экономических проблем вопросы методологии имеют первостепенное значение. Рассмотрение их представляется крайне необходимым и при популярном изложении основных начал экономической науки. Задача высшего преподавания заключается не в сообщении возможно большего количества готовых сведений, а, главным образом, в том, чтобы положения науки самостоятельно усваивались слушателями. И пожилой ученый, всю жизнь посвятивший исследованию истины, и юный студент, только приступающий к изучению науки,

одинаково являются равноправными членами великой ученой республики... Желательно, чтобы слушатель мог критически отнестись ко всякой доктрине, чтобы его научные убеждения складывались на почве сознательного усвоения и самостоятельной оценки предлагаемого материала. Для этого необходимо познакомиться с тем механизмом, при помощи которого наука достигает своих выводов.

В истории человеческого знания построение теорий, объясняющих те или иные жизненные явления, [59] обыкновенно предшествует критическому пересмотру и проверке оснований, на которых покоятся сами эти теории. Так было и с политической экономией. Экономическая наука довольно долгое время пыталась уже разрешать разнообразные вопросы государственной и общественной жизни, в ней успели смениться различные теоретические направления, прежде чем методологические вопросы были поставлены на очередь.

Основания современной экономической науки были заложены так называемой классической школой политической экономии (**Ад. Смитом, Рикардо, Мальтусом**), принявшей наследство физиократов и далеко подвинувшей после них разработку экономической теории. И эти писатели не дали теоретической формулировки применяемых ими методологических приемов. Конечно, это не означает, чтобы экономисты классической школы не ставили себе вопроса о желательных способах исследования экономических явлений. Их труды ярко свидетельствуют о том, что они имели в виду определенные требования, какие, по их мнению, должны быть предъявляемы к социальным наукам. В своих основных предпосылках они исходили из общего философского мировоззрения, характеризующего собою XVIII век, «век просвещения». Они разделяли общее этому веку убеждение в том, что существует «естественный порядок» человеческих обществ. Идея «естественного порядка» играла в их построениях двоякую роль. С одной стороны, несложные естественные основы общежития служили как бы ключом, с помощью которого легче можно было [60] выяснить запутанные условия современной им экономической действительности, с другой – этот естественный порядок представлялся им идеалом, нормальным общественным строем, к осуществлению которого в возможно близком будущем следовало настойчиво стремиться. Таким образом классические экономисты постоянно смешивали категории существующего и должного, что было вполне понятно при тогдашнем состоянии общественных знаний, только начинавших освобождаться от непосредственной связи с

практическими интересами и злобами дня, но впоследствии это не раз приводило к большой путанице в методологических спорах.

Экономисты классической школы рассматривали человеческое общество как механическую массу индивидов, связанных довольно несложными отношениями на почве свободного договора. Предполагая, что каждый член общества равен всякому другому по своим силам, эта школа естественно приходила к выводу, что при гарантии индивидуальной свободы отдельные лица, преследуя свои личные интересы, содействуют в то же время и благосостоянию целого общества. Ведь каждый лучше, чем кто-либо другой, понимает свои интересы и умеет защитить их; следовательно, чем строже и последовательнее будут проводиться в жизнь эгоистические мотивы, тем большие результаты будут достигнуты для блага всего общества. Применяя указанные общефилософские соображения к своей специальной области – исследованию экономических отношений и явлений, классическая школа принимала следующие предпосылки: 1) систему экономической свободы [61] (свободной конкуренции); 2) господство эгоистических побуждений в хозяйственной деятельности людей. Излагая свои научные выводы в общей, отвлеченной форме, классические экономисты, в сущности, применили указанные посылки к исследованию тех общественных отношений, которые сложились к концу XVIII и началу XIX века в Англии. Старые средневековые учреждения, тормозившие хозяйственную деятельность, уже отмирали; новые же, более разумные, приспособленные к новому порядку вещей формы государственного вмешательства (фабричное законодательство, санитарные меры и т.п.) еще не появились. В то же время английская экономическая жизнь выделила уже три главных класса населения: землевладельцев, капиталистов и рабочих. Исследование отношений между этими тремя классами фактически и поставила своей задачей школа классической политической экономии. И нужно отдать справедливость этой школе: в исследовании реальных экономических отношений ее представители проявили большую проницательность. Они помогли уяснить эти отношения, устранив все случайные или, лучше сказать, второстепенные черты их и выдвинув основные силы, которыми регулировались эти отношения. К сожалению, они не остановились только на этом. Классическая школа пошла дальше тех выводов, какие она могла сделать на основании изученного фактического материала, и в своих исследованиях приняла ошибочное направление, облакая свои положения в абсолютную форму. Она считала свои теоретические выводы годными для объяснения хозяйственных явлений [62]

всех времен, стран и национальностей, а принципы практической политики – вечными постулатами для создания нормального строя экономических отношений.

Таким образом, классическая школа устраняла из своего поля зрения весьма существенный признак хозяйственной деятельности, с которым мы познакомились в предыдущей лекции, а именно ее способность к историческому развитию. Прилагая одинаковый масштаб к явлениям, относящимся к различным ступеням хозяйственной эволюции, экономисты этого направления естественно обрекали свою науку на бессилие, как только ей необходимо было подойти к различным моментам в истории общественного хозяйства. Впрочем, как мы только что заметили, сами эти экономисты изучали только современные им хозяйственные условия английской жизни; их теоретические интересы не связывались с изучением исторического прошлого, если дело не шло об унаследованных пережитках этого прошлого, стеснявших развитие современной экономической деятельности. Главной опасностью, с которой им пришлось встретиться, был вопрос о тенденциях современного им народного хозяйства, подготавливающих его будущие судьбы. Представляя себе систему экономической свободы в виде чего-то чрезвычайно устойчивого, обреченного на вековечное существование, экономисты-классики естественно не могли разобраться достаточно полно в современных им жизненных фактах и склонны были оценивать слишком низко некоторые общественные элементы, за которыми было большое будущее.[63] Так, например, основываясь на наблюдении современных ему отношений между хозяевами и рабочими, **Рикардо** пришел к выводу, что заработок рабочих должен тяготеть к *minimum*'у средств существования. При этом, как мы подробно увидим ниже, в соответствующем разделе нашего курса, он упускал из виду, что рабочие не всегда останутся такими беззащитными, как в начале капиталистического периода. Он не придавал надлежащей оценки рабочим союзам и рабочим коалициям, которые существовали уже и в его время, но были поставлены юридически в неблагоприятные условия⁽¹⁾.

Но если классической школе политической экономии, благодаря принятому ею методу, было невозможно достигнуть правильного понимания многих явлений существующего хозяйственного строя, то она ошибалась еще более, выступая с требованиями практической экономической политики. В этом отношении крупным недостатком классической доктрины было механическое выделение хозяйственной деятельности из других сторон народной жизни. В особенности опасным для верности научных выводов

было неизбежное при таком воззрении игнорирование роли государства. Побуждаемые ненавистью к стеснительной правительственной опеке абсолютной монархии XVIII века, экономисты-классики невольно уменьшали значение государственного регулирования человеческих отношений вообще. В государстве видели только [64] охранителя оснований общежития и с крайним недоверием смотрели на его вмешательство в договорные отношения между частными лицами на почве их хозяйственной деятельности. Последователи классической школы, экономисты так называемого «манчестерского» направления, делали дальнейший логический вывод из учения классиков, требуя полнейшей экономической свободы. Они смотрели, как на нечто естественное, на фабричный труд женщин и детей, совершавшийся в их время, благодаря произволу фабрикантов, в ужасающей моральной и гигиенической обстановке. Конечно, эти «эпигоны» или страдали крайним доктринерством, или имели в виду прямые выгоды класса фабрикантов; но ошибочность построений классической школы, которая в то время была господствующим направлением экономической науки, давала им возможность облекать свои практические вожеления в форму несомненных, якобы научных истин.

Впрочем, недочеты классической доктрины очень скоро стали обнаруживаться для всякого беспристрастного наблюдателя.

Классическая школа, как мы видели, имела свой идеал нормального экономического строя. В известной степени этот идеал и был осуществлен в действительной жизни в начале XIX столетия, когда промышленная свобода заняла место прежней правительственной регламентации. Для эгоистических мотивов было открыто широкое поле. Но наступили ли на самом деле счастливые времена для общества? Увы, обновленная жизнь наглядно показала, к чему приводит [65] господство эгоистических интересов, если общество включает в себя неравные по силам элементы. Торжество досталось на долю сильных; слабейшие же элементы общества были обречены на подчинение так же, как в былые времена крепостничества.

Именно в это время появился тип дельца, человека холодного расчета, который не в состоянии пожертвовать даже и ничтожной долей личной выгоды для общественной цели. Этот тип «экономического человека» был подмечен литературой, и, например, для Англии мы находим ряд характерных в данном отношении фигур в произведениях Диккенса. Всякий кто читал его святочный рассказ о духе Марлея, помнит фигуру старого Скруджа, который, так сказать, замораживал все, что ни приходило с ним в соприкосновение. Это был прекрасный деловой человек, но с ним опасно

было встречаться. Когда он проходил по улице, никто не подходил к нему, никто не решался спросить дороги; ни один нищий не протянул к нему руки за полушкой. Даже собака нищего-слепца, встречаясь со Скруджем, заводила своего хозяина в отдаленные закоулки дворов и там вертелась около него, помахивая хвостом, как будто хотела сказать: «Да, хозяин, уж лучше совсем не иметь глаз, чем такой дурной взгляд, как у Скруджа». Эти люди, соединяющие черствость и крайний эгоизм с сознанием за собой юридического права поступать исключительно в своих личных интересах, представляют собой характерный тип нового экономического режима. [66]

Каково было попасть в экономическую зависимость от таких людей – легко себе представить. Обращаясь к истории трудящихся классов в начале XIX столетия, мы всюду встречаем поистине ужасающие картины. Описания быта промышленных рабочих в один голос указывают нам на неслыханные бедствия, перенесенные ими в первое время развития крупной промышленности, когда общественный контроль не наложил еще узды на произвол фабрикантов и когда сами рабочие не имели еще достаточно сил, чтобы отстоять свои интересы.

Бедствия, созданные фабричной системой, оказались лучшим аргументом против односторонности и ошибок классической теории. Люди разнообразных теоретических направлений, от Сисмонди и Карлейля до Энгельса и Маркса, единодушно сошлись в протесте против бесчеловечности выводов прямолинейных последователей классической доктрины. Эта реакция против *выводов*, влекла за собой и реакцию против *метода*. В последнем отношении особенно крупную роль сыграли немецкие экономисты, представители официальной университетской науки, более спокойные наблюдатели чуждых еще их национальной жизни явлений.

Уже в 40-х годах в своем «Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode», немецкий ученый **Вильгельм Рошер** выступил с горячей пропагандой исторического метода, пытаясь перенести в политическую экономию приемы, с успехом до того примененные исторической школой права. И в своих разнообразных дальнейших [67] произведениях он неизменно ставил себе задачей исследование хозяйственных явлений с исторической точки зрения. Но мы напрасно стали бы искать у него определенной формулировки нового метода. Эклектик по натуре, он постоянно впадал в противоречия, да и едва ли он когда-нибудь заботился о строгом определении принятой им точки зрения и последовательном её проведении. Такую формулировку дал другой крупный представитель старой германской исторической школы **Карл Книс** в

обширном специальном сочинении «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» (*Die Politische Oekonomie vom Standpunkt der geschichtlichen Methode*), вышедшем первым изданием в 1853 г. В этой работе Книс обстоятельно пересматривает основания методологии английской классической школы и энергически выдвигает против них постулаты нового, защищаемого им метода. Объект политической экономии обладает, по мнению Книса, совершенно иными свойствами, чем какие видела в нем классическая школа. «Экономическая жизнь, - говорит он, - не представляет механической массы индивидуумов. Это организм, в котором переплетаются явления права, хозяйства, нравственности и культуры. Нельзя рассматривать одну его сторону независимо от всех остальных, так как каждая из них находится под постоянным влиянием всех других сторон народной жизни». С другой стороны, Книс ставил в упрек классической школе ее неисторичность, «абсолютизм теории». Как известно, эта школа, исходя из положения о естественном порядке общественного хозяйства, считала его [68] вечным и неизменным. Книс выдвинул положение, что хозяйственная жизнь так же, как и всякая другая, находится в процессе постоянного изменения и является продуктом долгого исторического развития. Определивши иначе, чем классическая школа, предмет исследования политической экономии, Книс естественно выступил и против основной посылки об эгоизме, как господствующем хозяйственном стимуле. Он попытался, опираясь на данные исторического и психологического изучения, наметить целый комплекс побуждений, проявляемых фактически людьми в их хозяйственной деятельности. Первым из этих мотивов он называл **себялюбие**, вытекающее из естественного чувства самосохранения, присущего всем живым существам и в первоначальном своем виде не представляющим ничего дурного, поскольку с ним не находятся в противоречии интересы других людей. Только когда это чувство, сталкиваясь с требованиями жизни и деятельности других людей, вырождается в эгоизм, т.-е. в преследование собственных целей в ущерб интересам других людей, оно становится вредным, и задачей общества (или государственной власти) при таких условиях оказывается уже не поощрение, а, напротив, борьба с проявлениями этого чувства.

Наряду с указанными двумя мотивами, в человеке и в его хозяйственной деятельности обнаруживается существование и других мотивов, уже не личного, а общественного характера. Ведь человек искони представляется общественным существом, и потому общественные мотивы должны [69] быть для него настолько же «естественными», как и личные.

Среди них мы замечаем прежде всего «чувство права и справедливости», регулирующее взаимные отношения между людьми, как отдельными индивидуумами. Далее, также вполне реальным следует признать и общественное чувство, определяющее отношение человека уже не к отдельным лицам, а к обществу, как к целому. Человек издавна приучался ценить, уважать и защищать общественные интересы; в его психической жизни представление об общественном благе составляет такую же неотъемлемую часть, как и понимание своего личного интереса. «Итак, мы видим (указывает Книс), что хозяйственная жизнь фактически является результатом действия целого ряда разнообразных мотивов и что, следовательно, изучать явления экономической деятельности людей необходимо, опираясь на логическую посылку о существовании не одного только, а именно нескольких психологических побуждений». Далее, также соответственно различию в общем мирозерцании, историческая школа иначе смотрит и на законы политической экономии. С точки зрения классической доктрины, законы политической экономии в том виде, как они были установлены этой доктриной, настолько просты и всеобщы, что они могут быть с успехом приложимы к выяснению каких угодно форм экономической жизни, к каким бы эпохам они не относились, у каких бы народов не встречались. «Подобно тому, как человек, решивший известное число алгебраических уравнений, - говорит Дж.Ст.Милль в своей «Логике», - может без труда решить все другие [70] уравнения того же рода, так и знающий политическую экономию Англии или одного Йоркшира знает политическую экономию всех народов». С точки же зрения исторического метода необходимо смотреть на дело иначе: так как экономическая жизнь подлежит постоянным изменениям, то и законы политической экономии должны иметь относительный характер; они должны отражать на себе относительность хозяйственной жизни.

Определяя иным образом сравнительно с классической школой сущность теоретических выводов, Книс, в согласии с другими представителями исторического направления намечал иначе и практические задачи экономической политики. В то время как экономисты-классики ставили задачей идеального государства осуществление хозяйственной свободы и гарантию интересов отдельных личностей, историческая школа постоянно высказывалась в пользу вмешательства государства в экономическую жизнь общества. Если государство, говорила она, не желает покровительствовать господству одного класса над другим, оно должно установить известные законодательные нормы, регулирующие их взаимные

отношения, ограничить рабочий день женщин и детей, гарантировать более гигиенические условия обстановки труда и т.п., и вообще способствовать тому, чтобы слабейшие элементы общества не были угнетаемы более сильными. Таким образом в области экономической политики историческая школа выдвинула социально-реформаторские задачи.

Итак, учение исторической школы составило резкую противоположность доктрине. [71] В первое время эта школа находила мало сочувствия в самой Германии, где с развитием промышленного капитализма господствующую позицию, в особенности в 60-е гг., заняло либеральное направление, представлявшее осколок с английского «манчестерства». И только к концу 60-х и в начале 70-х гг. вопросы, поднятые Штейном, Рошером, Гильдебрандом, Книсом были подхвачены молодыми академическими деятелями, прозванными их противниками в насмешку «катедер-социалистами», потому что они с особенной энергией настаивали на необходимости социальных реформ в защиту трудящихся классов. С этого времени историческое направление («реалистическая», «историко-этническая» школы) прочно оседает в германских университетах и до настоящего времени остается там господствующим.

Однако, желая устранить недочеты и односторонность классической доктрины, историческая школа впала в другую крайность и вместо того, чтобы, изучая явления исторической хозяйственной жизни человечества, стремиться к открытию некоторых общих типических форм хозяйственных явлений и закономерных отношений между ними, занялась изучением подчас мельчайших подробностей исторической хозяйственной жизни, ограничиваясь простым накоплением фактических сведений, сырого материала. Усиленно подчеркивая «относительность» хозяйственных явлений, экономисты этого направления оказывались бессильными провести сколько-нибудь отчетливые грани в пестром калейдоскопе конкретных фактов. Собираение сведений по [72] хозяйственной истории совершалась прямо в ущерб развитию политической экономии, как теоретической науки о народном хозяйстве. Несмотря на выдающиеся таланты многих представителей историко-этической школы и чрезвычайно ценные отдельные работы, например, в области изучения форм промышленности, аграрных условий и т.п., в **теоретическом** отношении эта школа дала чрезвычайно мало. Неудивительно поэтому, что она не могла не вызвать горячих протестов со стороны людей, выше всего ценивших чисто теоретическую работу. И уже в начале 80-х гг., среди немецких экономистов, но не собственно в самой Германии, а в соседней Австрии возникает резкая

реакция против историко-этической школы - реакция, во главе которой стал **Карл Менгер**.

Менгер попытался пересмотреть от начала до конца все методологические основания и приемы политической экономии предыдущих школ. Его книга «О методе социальных наук и политической экономии в особенности» произвела глубокое впечатление и в действительности она представляет весьма серьезное и обстоятельное исследование вопросов экономической методологии.

Сущность воззрений этого ученого сводится к тому, что для правильного развития экономической теории необходимо не отбрасывать в сторону приемы классических экономистов, а продолжать их дело, стоя на их почве. Требования же исторической школы Менгер считает гораздо более несоответствующими истинным задачам политической экономии, чем те принципы, которыми руководствовались экономисты-классики. [73]

Прежде всего, говорит Менгер, нам необходимо установить основное положение, что современное экономическое знание представляет не единую науку, а целую сеть самостоятельных дисциплин с особыми задачами и логическими приемами. Мир явлений можно рассматривать с двух существенно различных точек зрения: или как конкретные явления в их данном положении в пространстве и времени и в их конкретных отношениях друг к другу, или как повторяющиеся в смене этих явлений формы их, иначе говоря, с точки зрения познания индивидуального и общего. Исследования индивидуальных черт в явлениях народного хозяйства ставят своей задачей науки исторические – хозяйственная история и статистика. Путем исторического изучения мы можем исследовать индивидуальную сущность и взаимную связь конкретных явлений хозяйственной жизни. Таким путем мы будем, например, исследовать хозяйство Германии, Англии и других стран в тех индивидуальных явлениях, которые характеризуют их экономический строй или развитие. В данном случае мы будем стоять вне области теоретических обобщений и отыскания социальных законов, изображая лишь данное состояние и развитие социальной жизни.

Если же мы перейдем к задачам теоретического обобщения, мы должны будем искать в отдельных явлениях их общие черты, выяснять типы и типические отношения в хозяйственной жизни. При этом типы и типические отношения могут быть «точные» или «эмпирически-реалистические». Первые будут изображать наиболее элементарную и всеобщую природу явлений хозяйственной жизни [74] и всеобщие «экзактные» законы их отношений; вторые окажутся окрашенными в

конкретный цвет, соответственно фактическим условиям; степень отвлечения при их выводе будет уже меньшей; это будут лишь «реальные типы», в пределах типической картины которых дано большее или меньшее место для особенностей; а отношения между ними будут выражаться «эмпирическими законами», т.е. теоретическим выяснением фактических (значит, никоим образом не свободных от исключений) правильностей в существовании и смене реальных явлений. Тем не менее, и те, и другие будут представлять лишь отвлечение (по существу своему, одностороннее) от реальной действительности. Установление их и должно составить задачу политической экономии, как теоретической науки о народном хозяйстве. Итак, политическая экономия в своей теоретической части изучает вопросы, касающиеся типов и отношений между типами, иначе говоря, изучает основные формы экономических явлений и проявляющиеся в них закономерные отношения.

Наконец, третью группу экономических наук образуют науки практические – экономическая политика и финансовая наука. Науки этой группы по своей природе существенно отличаются от исторического и теоретического исследования: они вообще учат не о том, что есть, а вырабатывают систему правил, необходимых для практической деятельности, и относятся поэтому не к области теории, а искусства (Kunst-Lehren). Таким образом Менгер намечает целую систему экономических наук, из которых каждая имеет свою строго [75] определенную область исследований и особые методологические приемы.

В сфере экономической теории нам нужно, говорит Менгер, следовать методологическим приемам классической школы. Для установления типов экономических явлений необходимо отделить хозяйственную сторону от всех других областей общей народной жизни. Сверх того, в самих экономических явлениях нам необходимо абстрагировать основные элементы, из которых придется исходить при дальнейших теоретических построениях. Анализируя экономическую жизнь, мы поступаем, как химик, который разлагает вещество на составные элементы; мы будем рассматривать, так сказать, атомы, из которых составляются хозяйственные явления. При этом мы будем находиться в более выгодном положении, чем естествоиспытатель, потому что последний оперирует с атомами, имеющими неэмпирическую природу, а при изучении общества исследователь берет своим исходным пунктом отдельного человека, т.е. вполне реальную величину. Органическая теория, выдвинутая исторической школой, по мнению Менгера, была построена благодаря отсутствию правильного

понимания не только методологических приемов анализа, но и сущности самой хозяйственной жизни. Ведь экономическая жизнь общества представляет лишь совокупность деятельностей отдельных (физических и юридических) личностей: в ней нет единой регулирующей и направляющей воли; наоборот, в своей хозяйственной деятельности люди сталкиваются друг с другом, преследуя свои личные цели, и [76] из суммы этих столкновений получается общественный результат. Если уж говорить об органическом характере общества, то его нужно видеть в проявлении бессознательного начала, гетерогонии целей в общественной жизни. Историческая школа экономистов, указывает Менгер, перенося требования исторической школы права в разработку экономической теории, просмотрела то здоровое зерно, которое заключалось в учениях юристов, именно, что многие общественные учреждения и нормы представляют не продукт сознательного общественного творчества, но возникают на почве преследования людьми своих частных целей, в результате которого возникают и новые общественные учреждения.

Итак, по мнению Менгера, органическую теорию в том виде, как ее формулировали экономисты-историки (т.е. в смысле взаимодействия различных сторон общественного организма), необходимо отбросить; а раз ее основные положения устраняются, то нужно иначе смотреть и на те мотивы, которыми руководствуется человек в своей хозяйственной деятельности. Для того, чтобы вывести типические отношения хозяйственной жизни господствующим мотивом мы должны признать личный интерес (Eigennutz). Подобно тому, как при исследовании хозяйственной деятельности мы отвлекаемся от таких сопутствующих ей в действительности моментов как «ошибка», «незнание хозяйственных обстоятельств», «внешнее принуждение» и т.п., так и из всей массы человеческих побуждений мы изолируем только один элемент – преследование индивидуумом своей личной выгоды [77] в хозяйственной сфере жизни. При теоретическом изучении общества необходимо идти путем таких односторонних исследований. Политическая экономия раскроет нам одну часть социальных явлений, наука права – другую, наука нравственности – третью и т.д., и только общая совокупность всех теоретических социальных наук в состоянии объяснить нам всю общественную жизнь. Поэтому неправильно требовать проверки положений экономической теории на фактах действительности; такая проверка применима лишь ко всей сумме выводов всех теоретических социальных знаний. Что же касается исторической точки зрения при построении экономической теории, то она уместна, по мнению Менгера, лишь для характеристики новых хозяйственных форм, возникающих в

известную историческую эпоху и не существовавших ранее. При исследовании же этих форм необходимо опять-таки строго придерживаться изложенных выше приемов **теоретического** исследования.

Книга Менгера, с ее отчетливой постановкой методологических проблем (в особенности в том, что касается разграничения отдельных экономических дисциплин⁽²⁾) устранила из обсуждения [78] вопроса о методе политической экономии много лишних и бесцельных контроверз. Сразу после выхода она вызвала резкую критику со стороны главы историко-этической школы Шмоллера (Zum Methodologie der Staat und Socialwissenschaften, Jahrb.f., 1883), на которую Менгер ответил в чрезвычайно возбужденном тоне (Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie, Wien, 1884), но вскоре спор затих, и сам Шмоллер в своей статье Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode, Hand & d. Staatswissenschaften пошел на компромисс, примиряя до известной степени свои старые методологические воззрения с положениями Менгера. Тем не менее, резкая грань между абстрактной австрийской школой⁽³⁾ и германским историко-этическим направлением осталась до последнего времени.

Учение Менгера было последним словом методологии того направления экономической мысли, которое связывается с рационалистическим мировоззрением и которое отчетливо наметилось уже в сочинениях античных писателей по экономическим вопросам, а в новейшее время, в связи с идеями Возрождения и «Просвещения» XVIII в., вылилось в законченную форму у физиократов, классиков и в особенности у представителей школы **предельной полезности**⁽⁴⁾. Вместе с этим [79] мировоззрением оно разделяет наивный взгляд на формы и приемы человеческого познания как всех вообще явлений, доступных человеческому изучению, так и в особенности явлений социальной жизни. Поэтому протесты старой исторической и историко-этической школ, направляемые против этого характерного для их противников мировоззрения, были совершенно справедливы и пусть смутно, но нащупывали более правильный путь для экономических исследований. Но неясность по отношению к этому новому пути, естественно вытекавшая из неразработанности общего вопроса о сущности исторического и абстрактного методов, сказывалась на учениях исторической школы спутанностью и противоречиями выдвигаемых ею положений и приводила более решительных ее представителей к полному отчаяния выходу - совершенному отказу от теоретической работы. Поэтому, новейшие успехи в разработке логики исторического исследования,

обязанные трудам Зигварта, Вундта, Дильтея, Навилля, Зиммеля и, в особенности, Виндельбанда и Риккерта, дали могущественный стимул к выяснению оснований экономической методологии. Конечно, эти труды даже в выдвинутых ими общих [80] положениях далеки еще от законченности, а в том, что касается приложения общих логических приемов специально к экономическим исследованиям, они не содержат никаких прямых указаний, но они пролили уже много света на те стороны дела, которые служили среди экономистов поводом к бесконечным и бесплодным спорам. И в самом деле, много напрасных упреков, с одной стороны и ненужных оправданий с другой, устраняет уже одно выяснение того, что человеческий ум никогда не охватывает, да и не в силах охватить, бесконечного разнообразия действительности. Для того, чтобы ориентироваться в этом многообразии, человек производит известный выбор, отвлекает от наблюдаемых явлений известные стороны, известные черты, создавая, таким образом в своем уме ту «действительность», систематическое изучение которой он предпринимает в своей научной работе. Таким образом уступка, которую Менгер делает исторической школе, - будто совокупность абстрактных наук объяснит нам *всю* (исторически-действительную) общественную жизнь, - оказывается совершенно ненужной, вытекающей из неправильного взгляда будто историческое изображение есть объективное отражение действительности. На самом деле то, с чем имеет дело историческая наука, есть лишь «преобразованная» действительность (*umformte Wirklichkeit*), полученная в нашем уме также в силу отбора, отвлечения известных черт из бесконечного разнообразия наблюдаемых явлений. Различие между [81] историческим и абстрактным методом заключается не в том, что с помощью первого мы познаем «всю» действительность, а с помощью второго «часть» этой действительности, а в особой точке зрения, с которой мы подходим к ее изучению. Нас может интересовать или то, что представляется нам общим в различных явлениях (абстрактный, генерализирующий метод), или то, что в них есть индивидуального, особенного, неповторяющегося (исторический метод). Это не значит, что при историческом изучении мы охватываем **все индивидуальные** черты явления; в каждом отдельном случае они всегда бесконечны и неисчерпаемы; мы отбираем из них и здесь только **некоторые**, именно те, которым мы приписываем известное значение, которые представляют для нас интерес с точки зрения каких-либо признаваемых нами всеобщих ценностей («культурных ценностей»: государства, экономической организации, искусства, религии и т.п.). Отсюда и различие задач

абстрактных и исторических наук: первые стремятся образовать систему общих родовых понятий, для которых отдельные явления сами по себе неинтересны, а служат лишь экземплярами, каждый из которых может быть заменен каким-либо другим экземпляром; вторые, наоборот, стремятся понять именно отдельный предмет, как единое **целое**, в его единственности (*Einmaligkeit*) и никогда не повторяющейся **индивидуальности**, в том, в чем он для нас важен с точки зрения какой-либо, признаваемой нами всеобщей, культурной ценности. При этом мы не можем довольствоваться одним [82] описанием его, но должны выяснить его *связь* с другими историческими явлениями. Историк прослеживает **причинную связь** между явлениями, раскрывая отношение данного исторического объекта к окружающей его **среде** и прослеживая его **развитие**, и разница между ним и представителем абстрактной (генерализирующей) науки заключается в том, что он разыскивает не **общие** причинные связи, не «законы» явлений, а **индивидуальные связи**, т.е. индивидуальную связь данного исторического объекта с индивидуальной исторической средой, и не ряды развития вообще, а единичные индивидуальные ряды развития. Конечно, для объяснения этих индивидуальных связей историк пользуется добытыми абстрактными науками общими понятиями причинных отношений, разлагая исследуемый индивидуальный объект на его общие элементы и устанавливая связь этих общих элементов с такими же общими элементами индивидуальной причины. Но эти общие понятия оказываются в руках историка **средством**, а не **целью** его работы, он получает их готовыми от других наук и применяет к разрешению поставленной перед собой задачи – истолковывания данного исторического явления в его индивидуальной сущности и индивидуальной связи.

Таким образом и историко-экономические исследования имеют значение сами по себе, в смысле полноты решения научной задачи. Исследование какого-либо экономического учреждения или каких-либо экономических отношений в том, что есть в них индивидуально-ценного с точки зрения человеческого хозяйства (история цеховой [83] организации такого-то города, профессионального движения в такой-то стране, всего народного хозяйства в такой-то стране в XIX веке и т.п.), представляется нам не подготовкой материала для будущих теоретических исследований, а вполне самостоятельной, законченной в себе научной работой, не «*etude*», но «*oeuvre*». Такой постановкой вопроса новое учение способно внести много одушевления в кропотливую работу историка-экономиста, уясняя и возвышая взятую им на себя задачу.

Итак, историческое изучение экономических явлений уже предполагает предварительную разработку экономической *теории*.

Вопрос о логическом характере **теоретических** выводов экономической науки до сих пор остается еще чрезвычайно спорным и сравнительно мало разработанным. Еще недавно было очень широко распространено резкое отграничение наук о природе и наук о человеческом обществе. Предполагалось, что явления природы типичны, что родовое понятие их может быть построено на изучении единичных явлений, тогда как явления общественной жизни чрезвычайно сложны и индивидуальны, а потому и изучение их должно идти иными приемами и давать иные (менее точные) результаты. С [84] разъяснением общего вопроса о бесконечной сложности всякого рода индивидуальных явлений такое отграничение отпадает само собой. Простота или сложность объекта изучения той или иной науки дается не особенностями самих конкретных явлений, а той точкой зрения, с какой мы подходим к их изучению. И общественную деятельность мы можем изучать не только с точки зрения ее индивидуального значения и смысла, но можем отыскивать в ней некоторые общие черты, одинаково повторяющиеся в отдельных явлениях. Мы можем интересоваться, например, вопросом о влиянии произведенного сокращения часов труда на ход дел **данной** фабрики, **данной** отрасли промышленности, но мы не вправе поставить и общий вопрос о том, какая связь **вообще** существует между продолжительностью рабочего времени и успешностью труда. Нас будет интересовать в этом последнем случае каждое отдельное явление не само по себе, а просто как отдельный экземпляр общего понятия. И выведенная таким путем общая причинная связь между известными явлениями хозяйственной жизни *логически* также будет выражать нам «закономерность» этих явлений, как любой точный закон естествознания.

Стремясь к отысканию общей связи между явлениями человеческого хозяйства, теоретическая политическая экономия может достигать в этой работе результатов **различных** по степени отвлечения от конкретной хозяйственной действительности. Как мы могли уже убедиться из прошлой лекции, социальные отношения, возникающие между людьми на почве их борьбы с природой для [85] удовлетворения потребностей материальными средствами, могут рассматриваться не в одинаковой перспективе. Мы различаем в них, с одной стороны, некоторые наиболее элементарные признаки, свойственные хозяйственной деятельности людей во все эпохи их исторической жизни, с другой – некоторые типические черты, характеризующие различным образом каждую отдельную ступень

экономического развития. Мы отмечали, например, некоторые общие черты, свойственные **всякому** хозяйству (зависимость в удовлетворении потребностей от ограниченности запаса материальных благ, необходимость труда и т.п.), а с другой стороны – особенности явлений хозяйства рабского, крепостнического, городского ремесленного, капиталистического, но именно особенности **типического** характера, своеобразные общие признаки, существование которых можно проследить на протяжении веков в различных человеческих обществах. Таким образом теоретические выводы («законы») экономической науки можно разделить на две основные категории:

- 1) положения, относящиеся к человеческой хозяйственной деятельности, на какой бы ступени развития она ни находилась;
- 2) выводы, касающиеся только определенных эпох хозяйственного развития (определенных «укладов хозяйства»).

Выводы первого рода по существу дела оказываются крайне элементарными и мало эмпирически содержательными. Но это не только не умаляет их значения, а наоборот, с точки зрения абстрактного исследования, такие выводы представляются [86] (поскольку они вообще достижимы в социальных науках) наиболее ценными. Ведь всякое абстрактное, номологическое исследование, отвлекая от наблюдаемых явлений все, что придает им индивидуальную окраску, все более и более удаляется от «действительности». Чем выше абстрактное знание, тем меньше в нем **реального** содержания, тем ближе примыкает оно к формальному, математическому мышлению. Конечно, и эти наиболее общие положения абстрактной политической экономии далеки от точности естественно-научных законов; название «вечные *логические* категории», данное им Родбертусом, «звучит слишком гордо», но они представляют нам ту наивысшую меру обобщения, на которую способно подняться социально-экономическое исследование.

Выводы второго рода составляют обычное содержание экономической науки, и, начиная с классиков, в основу экономических рассуждений теоретического характера кладут исследование преимущественно одной только исторической эпохи, именно капиталистического хозяйства. Этот выбор объясняется тем, что в капиталистическом хозяйстве отдельные лица, будучи юридически свободными (здесь нет уже ни отношений личной зависимости – ни рабства, ни крепостничества, - ни связанности земли и промышленной деятельности), **экономически**, в силу широкого общественного разделения труда, связаны друг с другом теснейшими узами обмена. Реализация результатов хозяйственной деятельности дается

отдельному хозяину его рыночной выручкой, успешной продажей его продукта. А так как успех [87] этой продажи зависит от многочисленных, независящих от его воли обстоятельств, то вступление данного лица в рыночный обмен аналогично применению единичной физической силы к пункту, где сталкивается множество других подобных сил. И так как при стихийном, неурегулированном какой-нибудь планомерной организацией столкновении этих сил в результате наступает известное равновесие, отодвигающее от этой сложной сети хозяйственных отношений угрозу ее распада и поддерживая ее устремление к непрерывному развитию, то современное народное хозяйство и проявляет в себе больше, чем хозяйство прежних времен, черты **социально-закономерного** порядка, аналогичного закономерности явлений природы. Это не значит, однако, чтобы хозяйство ранних эпох не носило характера закономерности; абстрактное изучение этих эпох способно также дать экономисту-теоретику чрезвычайно ценные выводы. Но в современной хозяйственной жизни закономерность проявляется с большей отчетливостью, и потому-то эта жизнь и служит излюбленным материалом для теоретических исследований⁽⁵⁾.

Отсюда и при установлении **предпосылок**, из которых должен исходить экономист в своей теоретической работе, обыкновенно (сознательно или бессознательно) брали черты («личный интерес», «свободная конкуренция»), заимствованные из наблюдений за современным свободным меновым хозяйственным строем. [88]

Между тем, для правильной постановки исследования необходимо всегда отчетливо разграничивать **круг отношений**, который избран предметом изучения. А эти круги располагаются неодинаково, как по степени отвлечения от действительности, так и в пределах логически однородных исследований. Бесконечные споры, которые велись между экономистами различных лагерей, какие мотивы и какие формы общественно-экономической организации должны быть приняты как предпосылки теоретической работы, в значительной мере вытекают из недостаточной выясненности этого предварительного вопроса.

Изучая **особую сторону** социальной жизни, особый вид социальных отношений, именно отношения, вытекающие из деятельности, направленной на борьбу с природой ради удовлетворения потребностей материальными средствами, экономист намечает общие рамки, в которых должна совершаться его работа. Ставя себе **теоретическую задачу**, т.е. выяснение в этих отношениях общих черт и общих связей, он выделяет себе в намеченных рамках еще более тесно ограниченную область, отмежевываясь

от исторического исследования хозяйства и социальной политики. Но и здесь он должен позаботиться о дальнейшем разграничении, выделяя и для абстрактного исследования или наиболее общий круг отношений, встречающихся всюду, где имеется человеческое хозяйство, или менее общие, эмпирически окрашенные круги, повторяющиеся только в известных условиях места и времени. Понятно, что основные предпосылки исследования в каждом из этих [89] случаев будут различны. Конечно, предметом изучения будут каждый раз общественно-экономическая организация и развивающиеся в ней стремления и действия. Но какая общественная организация и какие хозяйственные стремления будут избраны в качестве предпосылок, определяется задачей **данного** исследования. Для наиболее абстрактного экономического исследования, имеющего целью выяснение наиболее общей природы экономических отношений, должны быть приняты логически наиболее «чистые» предпосылки: наличие при преследовании хозяйственных целей «чистой» общественной организации, т.е. просто общественных связей, без всякой их квалификации (в смысле ли «свободной конкуренции», или, наоборот, «коллективной» хозяйственной организации и т.п.), и «чистый хозяйственный мотив», т.е. просто рациональное в хозяйственном смысле поведение, основанное на соразмерении затраты и выручки, выгоды и пожертвования, без всякой этической или иной окраски. Таким путем мы можем вывести положения, устанавливающие, например, общую связь между усовершенствованием хозяйственной деятельности человеческих обществ и применением разделения труда, формы и условия общей зависимости человеческого хозяйства от внешней физической среды, влияние на ход хозяйственной деятельности орудий труда, употребляемых людьми и т.д. При всей элементарности подобных положений мы можем с их помощью нарисовать в наиболее простых, постоянно повторяющихся чертах общую, так сказать, «социологическую» сущность хозяйственных отношений. [90]

Но, как мы уже упоминали, подобными обобщениями не исчерпывается содержание экономической науки; в ее задачу входит и установление более частных «законов», проявляющихся в исторических типах хозяйственного развития.

При таких теоретических исследованиях «второго порядка» и среда и мотивы поведения непременно окажутся окрашенными в известный эмпирический цвет, соответственно главным особенностям хозяйственного строя изучаемой эпохи. При этом мотивы хозяйствующих субъектов не могут быть даны заранее, а выясняются только при изучении особенностей

социальной среды, того хозяйственного строя, в котором живет, думает, чувствует и действует хозяйствующий индивидуум. Ведь то обстоятельство, что отношения людей к природе при преследовании ими своих хозяйственных задач обусловлены известными формами **общественной** организации, и создает главную трудность экономического исследования. Замкнутое домашнее хозяйство, городское ремесленное, товарно-капиталистическое – характеризуются не только своеобразием общественно-экономической среды, но и вытекающими из нее своеобразными мотивами. Мотивы, которыми в **хозяйственной, деловой** сфере руководился средневековой мастер по отношению к своему ученику, или, наоборот, ученик к хозяину, не совпадают с мотивами, определяющими поведение современного фабриканта к его рабочим, или, наоборот, рабочих к фабриканту. Но и в пределах одного хозяйственного строя, например, капиталистического хозяйства, мы найдем несколько различных кругов отношений, [91] которым соответствуют и различные мотивы. Например, исследуя капиталистическое хозяйство, поскольку для него характерны условия «свободной конкуренции» (т.е. зависимость от рынка при свободном меновом обороте), мы тотчас же натолкнемся на ряд затруднений, где нам не в силах будут помочь посылки свободной конкуренции и личного или хозяйственного интереса. Эти посылки объяснят нам отношение фабриканта к покупщику его товаров, но разве его социально-экономическое положение целиком характеризуется его отношением к товарному рынку? А отношения между ним и его рабочими? На первый взгляд они также могут объясняться предположением личного интереса на той и на другой стороне. Но ведь у фабриканта заняты не один, а целая группа рабочих. Можно ли рассматривать эту группу просто как совокупность единиц, из которых каждая руководится своим личным интересом? Если бы каждый отдельный рабочий стал бы отстаивать только свои личные интересы, то выиграл ли бы он, как представитель группы, занятой на одной фабрике? Конечно нет. Наблюдая положение наемного труда в капиталистическом строе, мы видим, что наиболее целесообразным мотивом поведения современного рабочего представляется отстаивание общего, группового интереса. В преследовании этого интереса отдельной личности приходится иногда жертвовать своими случайными и временными личными выгодами во имя общего блага, но в целом такой образ поведения для всей рабочей массы представляется **наиболее** [92] **хозяйственно целесообразным**, так как он более всего соответствует объективным условиям социального положения наемных рабочих при капиталистическом строе хозяйства.

Игнорирование таких групповых стремлений рабочих и было причиной того, что не только Рикардо, но и Лассаль (а отчасти и Маркс) приняли выведенный при других условиях социально-экономической обстановки «железный закон заработной платы» как положение, характерное **вообще** для капиталистической системы хозяйства.

Посылка свободной конкуренции далеко не исчерпывает существа взаимных отношений и между самими предпринимателями. С развитием капиталистического хозяйства стал все яснее обозначаться поворот в сторону монопольных организаций. Первые признаки такого поворота наметились уже в слияниях ранних железнодорожных компаний, а в последней четверти XIX века он отчетливо определился с появлением картелей и трестов.

Итак, задачей экономиста-теоретика представляется подробное выяснение существенных элементов того круга отношений, который он пытается исследовать, намечая объективное социально-экономическое положение и развивающиеся на его почве стремления хозяйствующих субъектов. Эту чрезвычайно важную сторону дела и просмотрела классическая политическая экономия, скованная своим общим механически-индивидуалистическим мировоззрением; но его упускают из вида и новейшие представители абстрактного направления, также чрезмерно суживающие задачу теоретического [93] исследования хозяйственной жизни. Не видела его и историческая школа, которая указывала на разнообразие мотивов, руководящих людьми в их хозяйственной деятельности, но не могла определить ни круга отношений, к которым относятся те или другие мотивы, ни их производного значения. Более того: усиленно выдвигая «этические моменты», она придала всему учению о мотивах совершенно фальшивую, сентиментальную окраску, далеко отступая в своих построениях от одностороннего узкого, но трезвого реализма английских экономистов. На этот ложный путь ее толкало практическое (спутывавшее ясность теоретического горизонта), увлечение проповедью «социального мира», достигаемого мелкими, «домашними» средствами, при сохранении основ капиталистических отношений, где, к сожалению, главные хозяйственные группы, не по личным качествам их представителей, а по **особенностям данной общественной обстановки**, находятся в непримиримом антагонизме⁽⁶⁾. [94]

Познакомившись с теоретическими задачами политической экономии, мы можем отдать себе отчет и относительно построения тех идеалов, которые должны быть поставлены для практической деятельности в сфере экономических отношений. Мы видели, что хозяйственная

деятельность, взятая [95] как целое, играет в жизни человека служебную роль: она доставляет человеку **средства** для достижения его **целей**. Целесообразность самой хозяйственной деятельности имеет смысл только рационального выбора средств в направлении уже данном. И поскольку человек проникает свои жизненные цели известным высшим – моральным и религиозным – единством, постольку и его хозяйственная деятельность освещается и согревается этими высшими стремлениями. Поэтому экономический идеал не может быть понят сам по себе, вне нравственного и религиозного идеала. Но если эти высшие идеалы образуют душу экономического идеала, то из этого не следует, что в них мы находим уже вполне намеченным и самый экономический идеал. Выбор надлежащих средств для устроения экономических отношений, сообразно разделяемому людьми нравственному и религиозному мировоззрению, есть самостоятельная и очень трудная задача. И то, часто встречающееся явление, что мыслители, наиболее чуткие к религиозным и моральным вопросам, относятся с поразительным равнодушием к перестройке хозяйственного уклада общества, к социальным реформам, служит лишь показателем того ненормального разрыва различных сторон человеческой жизни и деятельности, которым особенно характеризуется наше время. Если невозможен социальный идеал вне религиозного и морального миропонимания, то и стремление к высшим жизненным целям, нравственное совершенствование человека, сознание им своего религиозного назначения затрудняется, а часто [96] становится и совершенно невозможным благодаря дурным социальным порядкам, уродующим человеческую личность, мешающим человеку подняться во всю высоту его духовного и нравственного роста. А между тем эти порядки, как учит нас долгий опыт человечества, поддаются изменению и преобразованию. Формы и способы этих изменений и преобразований могут быть намечены наперед, опираясь на имеющееся понимание существенных черт общественных отношений. Как ни неточны сравнительно с естествознанием выводы экономической науки, все же и в этой области мы можем достигать некоторого предвидения будущего и, следовательно, целесообразно строить наши преобразовательные планы. Подготовка и проведение какой-нибудь социальной реформы могут быть **по существу** столь же рациональны, как постройка железной дороги или осушение болотистой местности. Поэтому и по отношению к экономической жизни имеет силу (конечно, с необходимыми оговорками) известная формула Огюста Конта, что знание ведет к предвидению, а предвидение – к действию. И в разработке вопросов

экономической политики мы вступаем в трудную, но доступную человеческому разумению область житейской практики, житейского искусства; а так как всякая практика и всякое прикладное искусство могут развиваться только на почве выяснения действительности, то естественно, что характер нашего экономического знания будет определять и наши практические социально-хозяйственные идеалы. На почве общего отвлеченного знания хозяйственной жизни (ее наиболее [97] элементарных законов) экономист пытается конструировать тот общий идеал, которым следует руководиться в экономической деятельности. Напрасно думают, что научное построение такого идеала невозможно, что он должен быть только продуктом поэтической фантазии. Поскольку выводы экономической науки раскрывают нам главную сущность хозяйственных отношений, мы можем наметить в общих очертаниях идеал будущего, по направлению к которому должна двигаться экономическая жизнь. При этом следует только остерегаться от ошибки, в которую впадали экономисты-утописты, конструируя этот идеал во всех деталях жизненных отношений. Таких построений наука не в состоянии дать; она может лишь нарисовать идеал отдаленного будущего в элементарных, грубых чертах, основываясь на своих простейших социологических обобщениях.

Но кроме этого отдаленного идеала, знание исторических законов, проявляющихся в данную историческую эпоху, открывает возможность построения идеала ближайшего будущего, указания задач государственной политики и общественной деятельности в смысле реформы существующих экономических отношений и условий. Жизнь настойчиво требует разрешения этих ближайших задач, ответа на текущие запросы – и политическая экономия в своей практической части может оказать ей требуемую услугу. Так, на почве выяснения прошлых условий и существующих жизненных форм человек может перестраивать и свою общественную жизнь. В этом случае он [98] поступает так же, как при деятельности в физической среде, комбинируя фактические материалы и силы, заставляя одни из них действовать на другие соответственно своим целям. Люди осознали уже не только условия окружающего их мира, но и свои общественные отношения, и в этом осознании и заключается их сила и их способность, опираясь на него, создавать себе лучшее будущее.

Этими беглыми набросками мы и можем пока ограничиться в определении задач и приемов нашей науки. Некоторые из выставленных здесь положений прояснятся с большей отчетливостью в дальнейшем изложении, при характеристике самого содержания экономической теории.

Многое же, что обыкновенно затрагивается в учении об экономической методологии и что необходимо приходится затрагивать, по самому существу не может быть исчерпано, постоянно обновляясь и пополняясь живым источником научного творчества⁽⁷⁾.

Я хотел бы сказать несколько слов об одном явлении, часто встречающемся при изучении социальных отношений. Среди ученых, занимающихся естественными науками, в настоящее время было бы странно видеть человека, который задался бы целью исказить истину в своих личных интересах или интересах той группы, к которой он принадлежит по своему происхождению, воспитанию, общественному положению или к которой его влекут его симпатии. В естествознании давно уже установилась точка зрения, согласно которой считается существенно необходимым изучать факты так, как они есть, и излагать в том виде, как они представляются исследователю. Выполняя свою задачу, натуралист не станет стусевывать одни стороны явлений и подчеркивать другие, придавать заведомо неправильное освещение изучаемым фактам, а всегда будет держаться почвы строгого объективизма. Не то мы видим в исследованиях общественной жизни. Здесь исследователь постоянно сталкивается с человеческими симпатиями и антипатиями, выгодами и интересами. С некоторыми явлениями общественной жизни у него связаны свои собственные интересы, которые заставляют его уклоняться от пути объективного изучения, терять твердую почву, на которой стоит естествоиспытатель. А между тем в целях научного выяснения действительности необходимо, чтобы исследователь и при изучении социальных явлений отрешился от всех нарушающих нормальный ход его работы симпатий и антипатий, личных выгод и интересов и старался высказывать одну только истину в том виде, как она ему представляется. Пусть он заблуждается, но если он не внесет в исследование посторонних элементов, в виде личной точки зрения, истина всегда восторжествует. Каждый ученый, приступая к исследованию общественных явлений, должен повторить себе прекрасную формулу французской судебной присяги: «Я скажу правду, всю правду, ничего кроме правды».

- (1) Адам Смит уже выдвигал момент борьбы между хозяевами и рабочими и признавал значение коалиций. Вообще он гораздо более свободен от упрека в односторонности, чем Рикардо.
- (2) За исключением финансовой науки, которую Менгер неправильно относит только к группе практических дисциплин. Исследуя хозяйство государственных органов (включая и местное управление), финансовая наука, согласно классификации самого Менгера, должна совершенно так же как и политическая экономия, распасться на описание индивидуальных явлений (государственного хозяйства в различных странах), теоретическое выяснение типических форм и отношений (в государственно-хозяйственных явлениях) и, наконец, практическую (финансовую) политику.
- (3) Абстрактно-психологическое направление широко распространено и в англосаксонском мире в последнее время, в особенности среди американских экономистов.
- (4) Представляется поистине удивительным, почему до сих пор, бьющая в глаза аналогия между экономическими идеями древних (например Аристотеля) и «новейшими» положениями школы предельной полезности осталась почти не отмеченной и совершенно непонятой. Этим, между прочим, объясняется поразительная спутанность взглядов на филиацию экономических идей в специальных работах по истории политической экономии. Здесь, конечно, не место подробно останавливаться на этом вопросе; автор надеется в непродолжительном времени вернуться к нему в специальном исследовании.
- (5) Ср. *М.И. Туган-Барановский*, Основы политической экономии, стр.16.
- (6) Из изложенного видно, что экономист берет свои посылки не произвольно, но исходит из необходимого упрощения задачи, без которого не может обойтись никакое абстрактное знание. Меньшая точность получаемых им выводов объясняется не особенностями изучаемых им явлений, особенностями приемов исследования (и, главным образом невозможностью применения *опыта*). Но во всяком случае, и экономист стремится объяснить повторяемость известных черт в явлениях хозяйственной жизни. В этом смысле он также отыскивает «закономерность» как естествоиспытатель. В последнее время против попыток раскрытия закономерности в хозяйственной жизни с особенной решительностью выступил Макс Вебер, по мнению которого абстрактная политическая экономия дает лишь «идеальные типы», получаемые путем *мысленного* усиления определенных элементов действительности и объединения их в логически совершенно последовательный космос *мыслимых* связей. Таким образом создается *утопическая* (в логическом смысле) картина, с помощью которой мы можем сделать себе наглядной и понятной своеобразную связь явлений хозяйственной действительности в каждом данном случае. Только для этой цели и могут служить, по мнению Вебера, такие «идеальные типы», и только их, а никак не «законы», хотя и претендующие лишь на эмпирическую обязательность, и может получить абстрактное экономическое исследование, в чем и сказывается отличие его от естественных наук. См. *Die Objektivität socialwissenschaftlicher und socialpolitik Erkenntniss. Arch. F Socialwiss. XIX. Kritische Studien auf Gebiet der kultur wissenschaftlichen Logik*, а также *Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie*. В этом отрицании возможности вывода экономических «законов» Вебер, выступая как против абстрактной, так и исторической школ политической экономии (которые по его мнению, одинаково заражены «натуралистическим» предрассудком, будто абстрактные понятия экономической науки имеют нечто родственное естественным наукам), не сходится и с Риккертом, который в своем основном произведении определенно высказывается за то, что и общественные (и в частности экономические) явления можно трактовать с «естественно-научной» точки

зрения. См. Г.Риккерт, Границы естественно-научного образования понятий. Спб.,1904, стр. 249-250.

(7) Это в особенности необходимо отметить относительно «предпосылок» политической экономии. Попытки их исчерпывающе охарактеризовать по существу дела обречены на неудачу. Эту общую судьбу разделяет, например, и наиболее обстоятельное и серьезное, продуманное изложение Дитцеля (*Theoretische Socialökonomik*, Leipzig,1895, стр. 77-92. Урезывание возможной теоретической задачи находим и у Зомбарта в «Современном капитализме» (для капиталистической эпохи он принимает в качестве основной предпосылки мотивы предпринимателей, но не рабочих и т.п.).*Der Moderne Kapitalismus*, I, стр.XVII-XXII.

Лекция третья

Естественная и социальная среда человеческого хозяйства.

Деление теоретической системы политической экономии на части. – Вопрос о среде, в которой происходят социально-экономические отношения. – Естественная среда человеческого хозяйства. – Территория, на которой люди могут развивать свою хозяйственную деятельность. - Климат (распределение тепла и влажности). – Реки и моря.- Запасы минеральных пород (в особенности каменного угля и железа). - Почвенные условия. - Флора и фауна.- Размеры человеческого населения сравнительно с имеющимися естественными богатствами. – Учение Мальтуса о росте населения. – Закон уменьшения земледельческого продукта. - Успехи промышленной техники. - Преодоление могучих естественных преград. – Изменение техники в новейшее время: рационализирование, тесная связь с научным развитием. – Паровой двигатель. – Усовершенствование земледелия. – Зависимость технического прогресса от социальных условий. – Социальная среда человеческого хозяйства. – Значение государственной организации. – Юридические условия хозяйства. – Рабочее законодательство. – Вопрос о частной собственности. – Изменения в господствующих взглядах на социальную среду со времени либеральной экономической доктрины.

В предшествовавшем изложении я попытался наметить основные предварительные вопросы, составляющие введение в экономическую теорию. Я рассмотрел, в чем [102]заключается объект экономического исследования, его цели и логические приемы, при помощи которых политическая экономия осуществляет свои задачи. Теперь мы можем перейти к изложению самой системы экономического знания. Наше внимание будет при этом направлено по преимуществу на вопросы *теоретического* характера; но для цельности и большей ясности изложения нам придется затрагивать также и вопросы хозяйственной истории и политики. Не следует лишь забывать о тех разграничениях, какие были установлены нами в предыдущей лекции.

Нам необходимо, прежде всего, наметить главные звенья излагаемой системы, провести ось, около которой всего удобнее можно было бы расположить содержание экономической теории. Эта задача после того, что нам известно уже относительно объекта, на исследование которого направлена экономическая мысль, не представит больших затруднений.

Мы видели, что предметом политической экономии являются социальные отношения, возникающие при хозяйственной деятельности. Знание основных процессов хозяйственной деятельности поможет нам

разбить и содержание экономической науки на соответствующие отделы. В одной из предыдущих лекций нам уже приходилось указывать на два крайних полюса, между которыми вращается хозяйственная деятельность, - на производство и потребление. Люди нуждаются в известном запасе материальных средств, которые они черпают из внешней природы и употребляют для удовлетворения своих потребностей. Но мы видели, что уже на ранних ступенях человеческой культуры этими процессами не исчерпывается вся экономическая [103] деятельность. Даже в эпоху господства простейшей формы экономической организации – замкнутого домашнего хозяйства – продукты не прямо обращались к потреблению, а предварительно распределялись между составными частями этой маленькой группы. Если в состав ее входили господа и рабы, то условия распределения слагались различно для каждого из этих классов, в зависимости от существа их взаимных отношений, характеризующих данную фазу экономической жизни. Таким образом между производством и потреблением протекает самостоятельный промежуточный момент распределения, т.е. раздела долей общей массы продуктов между составными частями общества. По мере развития хозяйственной жизни в эти стадии экономической деятельности вплетается еще один промежуточный момент, именно момент обмена. Когда изолированные хозяйства не удовлетворяют своих потребностей собственными силами, то они вступают в обмен друг с другом сначала только излишками от собственного потребления, а затем мало-по-малу вся хозяйственная жизнь складывается таким образом, что каждая производительная единица изготавливает уже какую-нибудь специальную категорию продукта. Иначе говоря, хозяйственная организация строится по принципу общественного разделения труда, при котором каждое отдельное хозяйство вносит, так сказать, свою часть в общий запас продуктов, производя не ту совокупность предметов, в которых оно само нуждается, а известные специальные товары, в обмен на которые оно только и может получить себе все необходимое. Итак, [104] производство, обмен, распределение и потребление – вот четыре главных отдела экономической науки, соответствующие основным последовательным процессам хозяйственной деятельности людей. Конечно, при этом необходимо помнить, что политическая экономия изучает не «производство» в техническом смысле этого слова, а социальные отношения, возникающие при производстве, не «потребление» как индивидуальный физиологический и т.п. процесс, а только социальные отношения, связанные с непосредственным удовлетворением людьми их потребностей при помощи материальных средств и т.д.

Но располагая социальные отношения, изучаемые политической экономией, в последовательный ряд, соответственно последовательным

процессам хозяйственной деятельности, мы не должны забывать, что в действительной жизни все эти отдельные звенья находятся в постоянной живой и тесной связи и взаимодействии. Очень часто поэтому, характеризуя условия производства, мы будем невольно забегать вперед, антиципируя некоторые положения теории обмена или распределения и, наоборот, в отделе распределения нам придется возвращаться назад к положениям, установленным в отделе производства или обмена.

Мы видели, что социальные отношения, происходящие в пределах хозяйственной деятельности людей, представляют очень сложный и запутанный комплекс разнообразных явлений. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, нам необходимо выяснить себе и ту обстановку, те условия, ту атмосферу, в которой протекает [105] хозяйственная жизнь. Хозяйственная деятельность человечества совершается в определенной *среде*. В решении своих хозяйственных задач люди ограничены и обусловлены, с одной стороны, *природой* (из которой они черпают нужные им хозяйственные блага), с другой – *общественной организацией* (общественными отношениями и учреждениями не специально хозяйственного характера). Иначе говоря, в удовлетворении своих потребностей люди связаны отношениями к природе и друг к другу. Их хозяйственная деятельность плотно окружена этой двойной оболочкой, которая может быть более или менее эластичной, более или менее податливой к воздействиям со стороны самого человека, но которая всегда остается, с которой всегда приходится считаться. Таким образом к намеченным четырем главным отделам политической экономии необходимо присоединить, в качестве предварительной характеристики, еще и учение о среде человеческого хозяйства.

Вопрос о *естественной среде*, или, как обыкновенно говорят, о *естественных условиях* человеческого хозяйства, практически всегда ставится перед человеком, так как нельзя представить себе такого времени или такого географического пункта, где мы могли бы найти полное соответствие между потребностями и нуждами человека и предоставленными в его распоряжение дарами природы. Люди искони вынуждены были вести борьбу с природой, за голое ли существование, или за удовлетворение более высоких потребностей. Борьба с природой, трудовое овладение ею есть вечный завет человеку. Запас хозяйственных благ, [106] имеющихся в природе готовыми для непосредственного удовлетворения нужд человека, всегда и повсюду очень ограничен; как бы скромны не были человеческие потребности, дары природы еще скуднее. Правда, с помощью труда человек может добывать себе все новые и новые богатства; но самый источник этих богатств далеко не безграничен. Его ограниченность усиливается притом особенностями социальных отношений (источники богатств могут быть апроприированы,

находиться во владении отдельных лиц или групп и т.п.); но она существует и независимо от этого (что нас теперь только и интересует). Рассматривая человеческое общество независимо от тех отношений, которые завязываются между его отдельными элементами, а просто как социальную группу, поставленную лицом к лицу с природой, мы видим, что степень удовлетворения его потребностей материальными средствами зависит от следующих факторов:

- 1) постоянного фактора: данного в доступном людям мире природы запаса материалов и сил;
- 2) переменных факторов: а) количества человеческого населения; б) *знания* свойств этих материалов, сил и *умения* пользоваться ими (науки и техники); в) высоты социальной культуры (так как люди ведут свою хозяйственную деятельность при той или иной общественной организации, которая может или облегчать, или, наоборот, затруднять им их борьбу с природой).

Обратимся к влиянию первого (постоянного) фактора. Человек может черпать необходимые ему материальные средства только из доступного ему [107] материального мира природы, т.е. из материальных (или энергетических) элементов земного шара, окружающей его атмосферы и солнца. Хозяйственная деятельность человека в физическом смысле ничего не прибавляет к имеющемуся уже в природе запасу. Когда говорят о производстве того или иного хозяйственного блага, у нас при этом слове на первый раз возникает представление о создании чего-то нового, чего раньше не было. Если мы видим вновь выстроенное обширное здание, то оно представляется нам каким-то новым предметом, созданным творческой человеческой деятельностью. Но если присмотреться к тем элементам, из которых слагается сложный продукт, и к тем трудовым процессам, путем которых он был создан, то мы увидим, что в данной области человеческая деятельность строго замыкалась рамками, данными природой. Человеческий труд не творит нового вещества; он придает веществу только новую форму; в этом видоизменении формы и заключается вся сущность производства. Созидательная деятельность человека состоит лишь в пользовании готовыми материалами и силами природы. Изучая естественные свойства явлений, познавая их, человек имеет возможность их регулировать, заставляя одни естественные силы действовать на другие таким образом, что на почве их взаимного соотношения является новая форма вещества, способная дать удовлетворение человеческим потребностям. Приглядываясь ближе к этим изменениям, производимым руками человека, мы встречаемся не с чем иным, как лишь с движением материи, [108] с утилизированием сил природы. Движение и противодействие движению – вот в чем заключается

производственная деятельность человека. Возьмем, например, кафедру. Чем при ее создании пользовался человек? Он пускал в ход двигательные процессы. Нужно было срубить дерево, т.е. вдвинуть в него топор, сцепление частиц которого сильнее сцепления частиц дерева; затем, пользуясь силой трения, перевезти срубленный ствол, употребляя в дело мускульную силу животных, в место, где его можно распилить на доски. Вся суть этого нового технического процесса распиливания будет также состоять в продвигании пилы, как более твердого вещества, чрез дерево, преодолевая сопротивление его частиц. Будь это ручная лесопилка или паровая – элементарные процессы производства не изменятся. В первом случае употребляемое движение является результатом мускульной работы человека, во втором – силы пара. Для пользования этой последней силой человек придвигает зажженную спичку к горючему материалу, благодаря чему, в силу действия определенных химических законов, развивается известное количество тепла, превращающее воду в пар. Сила упругости частиц пара приводит в движение передаточный механизм, который, в свою очередь, заставляет действовать дальнейшие части машины, распиливающие дерево на доски. Итак, в движении вся суть производственной деятельности в физическом (или техническом) отношении. С экономической же точки зрения т.е. отношений между потребностями человека и результатами его хозяйственной деятельности), человеческий труд создает действительно [109] *новый* предмет (новую полезность), уничтожение которого хотя и не означало бы уничтожения его физических элементов, но составило бы для человека вполне реальную потерю. Возмещение этой потери потребовало бы новых усилий и новых затрат. Тем не менее, нам важно помнить, что *физически* деятельность человека в хозяйственной сфере строго ограничена рамками доступной человеку внешней природы.

Уже из элементарных географических сведений вы знаете, что люди имеют в своем обладании ограниченную географическую территорию, многие части которой представляются до сих пор недоступными для экономической культуры. Вся площадь земного шара равняется только 509 миллионам квадратных километров, при чем большая доля этого пространства приходится на моря, служащие для хозяйственной деятельности людей только путями сообщения да источником рыболовства. Но и на суше деятельность человека не везде может прилагаться с одинаковым успехом. Прежде всего на нее влияет разнообразие **климатических** условий, т.е. распределения тепла, влажности и воздушных течений.

Распространение животных пород в различных климатических областях зависит от степени их **приспособляемости**. Известно, что человек принадлежит к наиболее приспособляющимся органическим существам.

Едва ли есть такая местность на земном шаре, где человек **абсолютно** не мог бы существовать. Нансен и Иогансен достигли $86^{\circ}14'$ северной широты. Верхоянск, имеющий **среднюю** температуру в [110] январе в -53° , составляет постоянное поселение с нравами уездного города, и, наоборот, одно из самых жарких мест на свете – Массова - является главным населенным местом итальянской колонии Эритреи (у Чермного (Красного) моря). Тем не менее, если человек **может** существовать всюду, то не всякая местность доступна ему без чрезвычайной поддержки извне. Уже такие земли, как остров Шпицберген или земля Франца-Иосифа, почти совершенно необитаемы. Насколько неблагоприятны условия жизни северных местностей, можно видеть из того, что одна и та же раса, живущая на крайнем севере, совершенно отличается от своих южных родичей. Между тунгузами, обитающими в Северной Сибири, и тунгузами – завоевателями и господами Китая, между тюркскими номадами на Лене (якутами) и турками, господствующими в Западной Азии, - всякий с первого взгляда признает колоссальную разницу⁽¹⁾.

В известном географическом делении на климатические поясы мы можем видеть попытку определения размеров естественных областей, представляющих существенно различные условия для хозяйственной культуры. Если мы возьмем за основание для такого деления линии равной годовой температуры (изотермы), то на жаркий пояс придется 49,3% всей земной поверхности, на умеренный – 38,5% и на холодный -12,25 %. Таким образом жаркий пояс образует около половины всего пространства земли, однако только одна [111] четверть его приходится на сушу, три же четверти – на море.

Разница в степени тепла влияет существенным образом как на потребности человека, так и на способы их удовлетворения. Житель знойного юга нуждается в более легкой одежде, менее обильной пище, менее солидном жилище, чем житель северных стран; и в то же время южная природа открывает более легкие пути к добыванию предметов, необходимых для человека. Гумбольдт вычислял, что поле бананов может прокормить в 133 раза большее количество людей, чем равное по размерам поле пшеницы. Позднейшие вычисления несколько уменьшили эту цифру, но все же и теперь ее считают очень высоко (в 25 раз по Риттеру). Но и в пределах отдельных климатических поясов при более внимательном наблюдении замечаются все ещё весьма значительные различия в условиях человеческого хозяйства. Например, в умеренной полосе разница в продолжительности времен года все еще настолько велика, что она существенным образом отражается на ходе сельского хозяйства. Продолжительность сельскохозяйственных работ колеблется в пределах одной Европы между 4 и 11 месяцами (в России они продолжаются в среднем 4 месяца, в Восточной

Пруссии – 5, в Средней Германии – 7, в Южной Англии – 11 месяцев). Но даже в пределах одной Европейской России, благодаря разнице в продолжительности зимы, сельскохозяйственные работы продолжаются не одинаковое время. В Московской губернии, например, полевые работы производятся на два месяца короче, чем в Ставропольской. Известные породы растений могут произрастать не далее определенных градусов широты: рожь и овес у нас [112] до 66° с.ш., пшеница до 63°, сахарная свекловица до 43-51°, кукуруза на зерно до 53° и т.д. Таким образом мы видим, что климатические условия оказывают существенное влияние на характер сельскохозяйственной культуры в каждой стране. Продолжительность зимы определяет и **время замерзания рек**, т.-е. длительность мертвого сезона для судоходства. Россия в этом отношении представляет неблагоприятные условия сравнительно с западноевропейскими государствами: так, наша главная речная артерия – Волга – замерзает на 150 дней, тогда как Рейн всего на 26 дней. На северо-востоке Архангельской губернии лед на реках держится даже 200 дней.

Второе весьма важное климатическое условие – **влажность** также бывает весьма различна в зависимости от географического положения страны. По степени влажности страны делятся на бедные осадками (имеющие ежегодно не более 250 мм дождей), средние (от 250 до 1000 мм) и богатые осадками (свыше 1000 мм). Средние считаются наиболее благоприятными для экономической культуры, к ним принадлежат: Центральная и Западная Европа, Восточный Китай и восточная половина Американских Соединенных Штатов. Местности бедные осадками, захватывают большее пространство, чем все остальные области. К ним относятся: Центральная и Южная Африка, Западная Америка, Восточная Европа (наше отечество) и большая часть Азии и Австралии⁽²⁾. [113]

Конечно, влияние этого условия всего значительнее также в области сельского хозяйства. Оно сказывается, например, в количестве урожаев даже на сравнительно небольшой географической территории. В Тульской губернии, в местностях с сравнительно сухим климатом, путем сравнения дождливых годов с сухими, нашли, что в дождливые годы средняя урожайность исчислялась на десятину в 106 пудов, в средние – в 81,6 пудов, в сухие – в 67.

Важное значение имеет также распределение **гор и низменностей** (вертикальное развитие территории). Подобно тому, как человек не может жить далее известного градуса широты, пределы доступности территории для человеческого существования определяются и ее вертикальным строением. Приближаясь к границам снеговой линии, мы не найдем уже в горных местностях человеческого жилья. Во всей Европе выше 1200 метров над уровнем моря живет не более 20 000 человек. С другой стороны, горы

имеют значение в качестве препятствия для человеческих сношений. Горы как бы намечали границы, в пределах которых замыкались отдельные цивилизации. Они служили естественными преградами для международных сношений. По мере возрастания человеческой культуры люди научились преодолевать эти препятствия, так что в настоящее время они не имеют уже такого значения, как прежде.

Важным естественным условием развития хозяйственной деятельности людей являются **реки и моря**. Речные пути представляют наиболее удобные условия для [114] человеческих сношений; поэтому первоначальные общества стремились располагаться по течению рек. Историческая жизнь человечества зарождается в больших речных бассейнах. Сыр и Аму-Дарья в Средней Азии, междуречье Гоанго и Янт-се-кианга в Восточной Азии (Китай), Тигр и Евфрат в Месопотамии и долина Нила в Египте были колыбелью четырех великих цивилизаций древнего Востока. В нашей отечественной истории мы также находим следы влияния рассматриваемого фактора; древнерусские княжества, как известно, были расположены в бассейне великого водного пути, соединявшего Балтийское море с Черным; здесь зародилась русская культурная жизнь. Сравнивая современные территориальные условия нашего отечества с западноевропейскими, мы находим, что Россия и в данном отношении поставлена в неблагоприятное положение сравнительно с западноевропейскими государствами. Общим мерилom для суждения о степени благоприятности и неблагоприятности распределения рек обыкновенно принимается отношение длины рек, протекающих в данной стране, к пространству, занимаемому этой страной. Прилагая это мерило к рассматриваемом случаю, мы и убеждаемся в справедливости указанного выше положения: на 100 кв. миль площади приходится судоходных рек и каналов во Франции 125 верст, в Англии – 120, в Германии -119, в Италии – 50, в Европейской России – 41. Наряду с речными путями крупным фактором хозяйственного развития представляются морские сообщения. Очертание морских берегов имеет громадное значение для всей [115] хозяйственной жизни и деятельности, так как с тех пор как люди начинают преодолевать препятствия, которые море ставит для человеческих сношений, развитие культуры становится в зависимость от усовершенствования мореходства, дающего возможность устанавливать торговые и культурные связи между отдаленными друг от друга народами. Уже в древнем мире страны с развитой береговой линией имел и развитую культуру: таковы, например, Греция и Финикия. В настоящее время в лучших условиях в данном отношении оказывается среди частей света Европа, а в пределах самой Европы – Соединенное Королевство (Англия). В то время как в Европе одна верста берега приходится на 30 кв. верст пространства, в Австралии – одна на 73, в Америке – одна на 78, в Азии

– одна на 90 и в Африке – одна на 151. В Европе Соединенное Королевство имеет 6,5 кв. миль пространства на одну версту берега, Франция -14,6 и Россия – 45,6.

Далее, необходимо отметить еще два существенных фактора, именно – запас ископаемых, содержащихся в земной коре и почвенные условия. Запасы минеральных богатств всегда имели значение для хозяйственной деятельности человеческих обществ; в настоящее же время, когда вся система производства опирается на применение паровых двигателей и металлических механизмов, особенную важность представляют залежи каменного угля и железа. Наиболее благоприятны условия промышленности в тех странах, где залежи каменного угля встречаются вместе с другими минералами, для обработки которых каменный уголь [116] необходим, например, с железом. Таковы условия передовой страны промышленного капитализма – Англии, но также и Германии, Франции, Бельгии и Австрии, сравнительно с другими европейскими странами. Англия, залежи каменного угля которой находятся, кроме того, поблизости к морским портам, что чрезвычайно облегчает вывоз угля за границу, первоначально шла во главе каменноугольной промышленности; в последнее же время ее стала быстро догонять Германия и уже далеко перегнали Соединенные Штаты. В 1904 г. из общего мирового производства каменного угля в 884,9 млн. тонн, на долю Великобритании и Ирландии приходилось 236,158 млн. т., на долю Германии – 169,451 млн. т, тогда как Соединенные Штаты давали уже 319,611 млн. т.⁽³⁾. Еще в большей степени такой ход развития наблюдается в железоделательной промышленности. В производстве чугуна из общего мирового производства 1904 г. в 46 млн. тонн, Великобритания производила 8,7 млн. т., Германия – 10,06 млн., Соединенные Штаты – 16,762 млн. тонн!⁽⁴⁾.

Что касается почвенных условий земной коры, то от них зависит характер и развитие сельскохозяйственной культуры. В нашем отечестве, например, распределение чернозема, суглинка и других почв определяет характер занятий жителей различных географических полос. Если принять во внимание как климат, так и геологические и [117] геогностические условия земной коры, то мы найдем, что пространства земли, доступные для сельскохозяйственной культуры, распределены на поверхности земного шара чрезвычайно неравномерно. В Египте доступны сельскохозяйственной культуре только 2,5% всей территории, в Японии – только 16%, в Британской Индии – из 427 154 квадратных миль всей площади 190 842 недоступны для обработки. В Европе отношения уже гораздо благоприятнее: в кантоне Ури (Швейцария) процент земли, доступной сельскохозяйственной культуре, составляет 28%, в Финляндии – 37, в Норвегии – 47, в Швеции – уже 69, в большинстве германских государств – от 80 до 90%⁽⁵⁾.

Наконец следует упомянуть еще о **флоре** и **фауне**, т.е. о характере растительного и животного царства.

«Принадлежность человека к органическому миру, - говорит **Ратцель**, - приводит его к особенно острой борьбе за существование именно в данной области. Пища человека есть вместе с тем пища животных, являющихся его конкурентами. Для защиты тела от холода ему нужно как бы удвоить свою кожу, лишённую волос и потому не ограждающую его от вредных влияний климата. В этой борьбе человек делит природу на два враждебных лагеря, из которых один борется в союзе с ним, другой – против него» ⁽⁶⁾.

Из явлений растительного мира особенно важное значение имеют леса. «Леса, - говорит Ратцель, - [118] в местностях с редким населением играли некогда не менее значительную роль в качестве естественных границ, чем горы. Пока культура слаба, лес намечает ее границы. Поэтому из существа всех тропических лесных областей вытекает, что они должны быть редко населены. Преувеличенные вычисления населения внутренней Африки объясняются, главным образом, непринятием в расчет первобытного леса, который свободен от человеческого обитания на обширные пространства... Существует замечательная зависимость между могучей лесной растительностью и бессильными народами и между низкой травяной растительностью и могущественными государствами... Первобытный африканский лес населяют малорослые охотничьи племена – «лесные гномы», как их называет Эмин-паша» ⁽⁷⁾.

В умеренном климате чрезмерное обилие лесов также служило препятствием первым шагам человеческой культуры, затрудняя сношения между людьми, вредно влияя на климат и создавая условия малой безопасности (разбойники). Проложение дорог через непроходимые леса воспевается в наших народных былинах, как один из важнейших подвигов популярных народных героев.

В первое столетие по Р.Х. благодаря изобилию лесов территория современной южной Франции считалась неспособной производить виноград и оливки, а в Италии суровые зимы часто губили виноградные лозы. В настоящее время, наоборот, человечество озабочено уже вредным влиянием не [119] изобилия, а недостатка лесов. С ростом населения, в особенности же с развитием городской жизни и промышленности ценность лесных материалов возрастает, начинается быстрое и хищническое потребление лесов, поскольку в дело не вмешивается государство. Россия еще недавно обладала громадными лесными пространствами, да и в последнее время, несмотря на быстрое уничтожение лесов со второй половины XIX в., она все еще сохраняет обширные лесные площади, правда распределенные далеко неравномерно. Если взять одну Европейскую Россию, то по данным 1881 и 1887 гг. пространство лесов в 50 –ти ее губерниях составляло около 160 млн.

десятин, т.е. около $\frac{2}{5}$ всей площади. При этом в северной нечерноземной части (29 губерний) леса занимали около половины всей площади (53,7% в 1881 г.), в южной черноземной (26 губ.) – менее $\frac{1}{6}$ (15%). В этих пределах мы наблюдаем также большое разнообразие, причем лесистость непрерывно уменьшается от севера к югу. На крайнем севере и северо-востоке (в губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской и Вятской) почти вся площадь покрыта лесом и неудобными землями, и, наоборот, в наиболее южных губерниях – Херсонской, Екатеринославской, области Войска Донского, Астраханской – леса занимали от 2,4 до 1,2 % всей площади. Таким образом, хотя по общему отношению лесной площади к населению Россия оказывается обильно снабженной лесом по сравнению с западноевропейскими государствами, за исключением лишь Швеции и Норвегии, зато ее южная половина, в особенности в некоторых частях ее, [120] оказывается значительно беднее многих стран Запада. Такую лесистость, как в Австрии, Германии и Венгрии (где лес составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всего пространства) и даже как во Франции и Италии (где лес занимает лишь $\frac{1}{6}$ территории), мы встречаем только в северной части названной области, и то лишь в виде узкой полосы, несколько расширяющейся к востоку. В остальной части этой области лесистость значительно ниже чем в этих государствах, а на крайнем юге падает даже ниже Соед.Королевства и Португалии, являющихся наиболее бедными лесом странами Европы ⁽⁸⁾.

Что касается **полезных культурных растений**, то в данном случае весьма интересно отметить разницу в снабжении ими Старого и Нового Света. Оказывается, что Америка гораздо беднее культурными растениями, чем Старый Свет. Это объясняется не скудостью естественных богатств Нового Света, а в значительной мере тем, как говорит Ратцель, «что американский человек до встречи с европейцами не имел времени воспользоваться всеми окружающими его сокровищами природы»⁽⁹⁾.

Распределение **животного мира** также оказывало существенное влияние на судьбы человечества и в частности на хозяйственную деятельность. Борьба с *дикими зверями* способствовала развитию вооружения первобытных людей, определяла [121] характер их жилища и содействовала упрочению совместной жизни. «В среднем бассейне Замбези, - пишет Ратцель, - встречается особенно много свайных деревень, воздвигнутых для защиты против львов, леопардов и слонов. Польза огня, как средства против ночных нападений диких зверей, быть может сознавалась ранее, чем им стали пользоваться для приготовления пищи. Выделение вождя из среды общественной группы равноправных мужчин следует приписать на ряду с войной, организованным охотничьим экспедициям»⁽¹⁰⁾. Еще более важное значение имело *приручение животных*. От распространения животных пород, из которых человек мог черпать себе помощников в его

хозяйственной деятельности, зависели дальнейшие успехи культуры. Сравнительная отсталость австралийских дикарей объясняется крайней скудостью австралийской фауны; жизнь американских племен также сложилась неблагоприятно в значительной мере в силу скудости животного царства. Не имея ни рогатого скота, ни лошадей, ни овец, ни верблюдов, американские туземцы не могли выйти из стадии кочевого и полукочевого существования, так как они не имели условий для создания молочного скотоводства и обработки земли с помощью домашних животных ⁽¹¹⁾.

Таким образом запас материальных элементов, имеющийся в природе, всюду полагает границы хозяйственной деятельности человека, давая ей то или иное направление и размеры. Степень же [122] пользования эти запасом находится в тесной связи с влиянием отмеченных нами выше переменных факторов: количества человеческого населения, развития науки и техники и высоты социальной культуры.

Пока человеческое население малочисленно, самая обширность запаса материальных благ, из которого нельзя все-таки черпать непосредственно, а только с помощью труда, создавала крупные препятствия развитию хозяйственной деятельности. Даже в умеренном климате и на сравнительно высокой ступени технического развития и общественной организации (например, в большинстве европейских государств до конца XVIII в.) людей все еще подавляла и стесняла громадность расстояний, обширность, но малая доступность земельных пространств, непроходимые леса и болота, - и рост населения, понемногу уплотнявший сеть хозяйственных отношений на данной территории, представлялся благом, рассматривался как основа национальной силы и благосостояния. И только с известного предела, когда численность населения начала наталкиваться на трудность обеспечения его потребностей при данном уровне хозяйственной культуры и данных условиях общественной организации, вопрос о росте населения начинал принимать тревожный и даже угрожающий характер. Таковы были условия в Англии второй половины XVIII века, и потому в это время у английских писателей по экономическим и политическим вопросам все чаще и чаще начинает пробиваться беспокойная мысль о чрезмерности человеческого размножения. Всего резче она была выражена Мальтусом, с именем [123] которого и связывают обыкновенно проблему народонаселения. Особенности дальнейших научных судеб этой проблемы определились условиями того исторического момента, когда она была поставлена. Конец XVIII в. в Англии не располагал к спокойным кабинетным занятиям, и экономические идеи развивались не учеными трактатами, а политическими памфлетами. Таким памфлетом и был «Опыт о принципе населения» Мальтуса. Подыскивая возражения против довольно популярных в то время в некоторых слоях английского общества «систем равенства», в частности против изданной в

1793 г. книги Годвина «Political Justice», Мальтус, как это часто случается при крупных научных открытиях, довольно неожиданно натолкнулся на новый путь, мало освещенный еще теоретической мыслью, но обещающий широкие перспективы научной работе.

В первом издании своего «Опыта» (в 1798 г.) Мальтус выдвинул против Годвина, искавшего источник человеческих бедствий в дурной общественной организации, пессимистическую мысль, выраженную в самой неприкрашенной форме, что истинный источник этих бедствий заключается в тенденции населения размножаться быстрее роста средств существования. Так как, согласно Мальтусу, население стремится увеличиваться в геометрической прогрессии, средства же существования могут быть увеличены в лучшем случае в арифметической, то из этого вытекает, как необходимое следствие, что население всегда и всюду стремится обогнать средства существования и единственным препятствием действительному [124] осуществлению указанной тенденции оказываются нищета и пороки, уносящие лишние рты, которым природа не заготовила «прибора на жизненном пиру».

Книга Мальтуса чрезвычайно усилила позицию господствующих элементов английского общества, выдвигая против притязаний радикалов твердыню незыблемого «закона природы», и вчерашний памфлетист превратился в ученого исследователя. Перерабатывая свой трактат для второго издания (выпущенного в 1803 году), Мальтус потерял уже интерес к «системам равенства» и в частности к «Political Justice» Годвина, и главной задачей поставил себе только выяснение закона населения, оставляя полемику с Годвином, как иллюстрацию к излагаемым общим соображениям. Но этот поворот в настроении Мальтуса не привел, однако, к большим переменам в теоретическом обосновании основных положений «Опыта», к которым он прибавил только новый пункт о «нравственном воздержании» (moral restraint) от брака (постоянном или временном), иначе говоря, о рационализации размножения человеческого населения, внесения в эту область господства темных инстинктов «мотивов благоразумия».

Самая формулировка «принципа населения» осталась прежней. Мальтус вовсе не имел в виду, что увеличение *плотности населения* должно рано или поздно поставить вопрос об ограниченности земельной площади, приходящейся на одного жителя, а продолжал настаивать на том, что недостаток пищи всегда тяготеет над человеком благодаря именно большей скорости возрастания [125] населения сравнительно с увеличением средств существования. И в дальнейших изданиях «Опыта» Мальтус продолжал придерживаться этого взгляда, не умея или не желая сблизить «принцип населения» с другим принципом, который также был выдвинут в это время, и

в разработке которого, как отдельной проблемы, Мальтус принимал самое живое участие, - с так называемым «законом уменьшения земледельческого продукта». Закон этот определенно был сформулирован еще Тюрго и в начале XIX в. (по-видимому, совершенно самостоятельно) был выдвинут английскими писателями: Эдвардом Вестом, затем, позднее, Мальтусом и Рикардо.

Постановка этой новой проблемы была вызвана также практическими потребностями времени. Английских общественных деятелей смущало необъяснимое с точки зрения принятых понятий существование высоких цен на хлеб при бросающемся в глаза распространении и улучшении земледельческой культуры. Поэтому внимание людей, интересовавшихся этим вопросом, невольно обращалось к выяснению особенностей самого земледельческого производства. К сожалению, и на этот раз характеристика этих особенностей была дана в самой общей форме. С уплотнением человеческого населения людям приходится обращаться к худшим участкам, требующим больших затрат труда и капитала, или, применяя последовательно все большие количества труда и капитала на одном и том же участке, довольствоваться сравнительно меньшим приращением продукта, - вот мысль, лежащая в основе брошюр Веста, Мальтуса [126] и Рикардо. В брошюре «An inquiry into the Nature and Progress of Rent» etc. Мальтус сравнивает земельные участки различного плодородия с машинами, употребляемыми на фабриках. «В каждой обширной стране, - говорит он, - мы встречаем как бы целую градацию таких машин, причем приходится пользоваться не только лучшими, но и худшими (т.е. дающими такое же количество хлеба с большими затратами). Земледельческие улучшения редко могут помешать необходимости обращаться к возделыванию худших земель, т.е. употреблять худшие машины. Поэтому реальная цена мануфактурных товаров, количество труда и капитала, необходимое для производства данного их количества, почти постоянно уменьшается, тогда как количество труда и капитала, необходимое для того, чтобы получить последнюю прибавку к сырому продукту в богатой и прогрессирующей стране, почти постоянно увеличивается. Мы видим, таким образом, что вопреки постоянным улучшениям в земледелии денежная цена хлеба при прочих равных условиях бывает выше всего в богатейших странах, тогда как вопреки этой высокой цене хлеба и вытекающей из нее высокой цене труда, денежная цена мануфактурных товаров все еще продолжает оставаться ниже, чем в более бедных странах» ⁽¹²⁾.

И Вест, и Мальтус, и Рикардо были твердо убеждены во всеобщности этого «закона» и передали свое убеждение позднейшим писателям: [127] МакКеллоку и Дж.Ст.Миллю. В учении Милля «закон уменьшения земледельческого продукта» послужил укреплением теории населения

Мальтуса, ибо против обычного возражения, что лишние рты приносят с собой и лишние руки, было уже готово и контрвозражение, что «новые рты требуют столько же пищи, как и старые, а руки не производят столько же». Впрочем, Милль, вводя этот «закон» как стержень своей системы теоретической экономии, формулировал его не без существенных оговорок, благодаря которым он и в этом вопросе занимает характерную для всех его взглядов среднюю позицию между старой и новой школами английской политической экономии.

В английской литературе второй половины XIX в. (а за ней и в других европейских литературах) постепенно крепнет убеждение, что тот пункт, с которого увеличение земледельческого продукта соответственно затратам труда и капитала прекращается, отодвигается все далее благодаря прогрессу науки и техники и изменениям в социальных отношениях. Говоря словами Маршалла, если мы будем наблюдать последовательное приложение к земле труда и капитала известными дозами, то рано или поздно будет достигнут пункт, после которого все дальнейшие дозы будут давать меньший продукт, чем предшествующие. Но только при предположении, что за это время не произошло изменений в способах культуры⁽¹³⁾. [128]

Таким образом столь острый когда-то вопрос о населении принял сравнительно безобидный характер, и в результате долгого спора осталось лишь положение (важность которого, однако, отнюдь не следует уменьшать), что не только увеличение народного благосостояния, но даже простое поддержание его на раз достигнутом уровне составляет при возрастании цифры населения, очень и очень трудную задачу, т.е., говоря иными словами, каковы бы ни были условия социальной организации, одно увеличение плотности населения делает для людей условия их существования все более и более трудными⁽¹⁴⁾.

Трудности эти, однако, не непреодолимы. Успехи человеческого знания и умения постоянно повышают уровень пользования людьми «дарами природы». Границы трудовых завоеваний человечества изменяются. Человек может истощать естественные богатства, но он же может находить и новые источники. Чем дальше развивается человеческое знание, тем большие сокровища раскрываются для людей в мировой жизни. Для дикаря-охотника все богатство занимаемой им местности заключается в стадах дичи, истребление которой превращает для него самый цветущий край в бесплодную [129] пустыню. Современные культурные народы могут, наоборот, извлекать столько разнообразных средств из окружающей их природы, что на пространстве земли, где с трудом прокормились бы десятка два бродячих дикарей-охотников, теперь могут существовать тысячи людей.

Человек всегда борется с физической средой, в которой ему суждено жить и работать, изменяя ее, приспособляя к своим целям. Опираясь на

изучение естественных явлений, люди мало-по-малу изобретают все более усовершенствованные технические приемы для своей работы и тем освобождаются от гнетущего влияния на них окружающей природы. Чем дальше подвигалось хозяйственное и культурное развитие человечества, тем в большей степени человек становился господином природы, преобразуя в желательном ему направлении формы растительного и животного мира и преодолевая препятствия, полагаемые естественными условиями его экономической деятельности.

Несколько примеров преодоления людьми могущественных препятствий, поставленных природой на пути осуществления их хозяйственных целей, наглядно покажут вам размеры завоеваний человеческого труда и гения. Море в настоящее время не разграничивает уже разделяемые им части света на обособленные и неизвестные друг другу миры. Громадный заатлантический континент, менее 500 лет тому назад совершенно неизвестный жителям Старого Света, теперь соединен с ним такими удобными путями, каких в то время не знали и на суше. С развитием крупного парового судоходства переезд через океан стал [130] безопаснее, регулярнее и быстрее, чем в средние века передвижение между государствами в пределах европейского континента. И уже, наверное, переезд через бурный Ламанш в настоящее время безопаснее, чем переправа через тихую русскую реку, совершаемая при помощи первобытного отечественного парома или дощаника.

Равным образом горные преграды, которые еще так недавно являлись чрезвычайно крупными, а иногда даже непреодолимыми препятствиями для сношений между людьми, в настоящее время не имеют более такого значения. Всякий, кому приходилось путешествовать по Западной Европе, например, в Швейцарии, мог наглядно убедиться в том, какие огромные завоевания достигнуты людьми в деле борьбы с естественными препятствиями. В несколько минут масса людей и грузов переносится с одного склона горной цепи на другой, тогда как прежде в этих местностях передвижение людей и товаров требовало чрезвычайных усилий и жертв. Конечно, такие результаты достались человечеству не даром; так одни только буровые работы при прорытии Мон-Сенисского туннеля продолжались 9 лет и стоили 75 миллионов франков при длине пути в 13 км; устройство Сен-Готардского туннеля (длина 15 км) обошлось в 200 млн франков⁽¹⁵⁾. Немало усилий потрачено также человечеством на соединение морей, отрезанных сушей. Например, Суэцкий канал строился с 1858 по 1869 гг. и стоил около [131] 457 млн франков; но зато он дал громадное сбережение во времени, необходимом для сношений Европы с Азией. Так, трата времени на сообщение с Восточной Азией сократилась от Гамбурга и Лондона на 43-44%, от Марселя – на 59%, от Триеста – на 63% сравнительно с тем его

количеством, которое тратилось раньше, когда необходимо было огибать мыс Доброй Надежды.

Точно так же немало труда и усилий люди затрачивали на осушение болот, имея в виду оздоровление климата и пользование теми участками земли, которые до осушения почвы оставались недоступными для сельскохозяйственной культуры. Наглядным примером грандиозных затрат на это дело могут служить осушительные работы, производившиеся в Голландии. Там было осушено, например, целое (Гаарлемское) озеро, пространством в 18000 гектаров, что обошлось в 11 млн. флоринов. Недавно взялась за дело и Россия, имеющая огромные пространства болот.

Работы по осушению начались у нас только с начала 70 гг., но и за это время достигнуты уже весьма крупные результаты. Так, в области Пинских болот было осушено более 2,5 млн. десятин при среднем расходе в 1,5 руб. на дес.; производились и производятся также значительные осушительные работы в Петербургской, Новгородской и Прибалтийских губерниях. Наконец можно отметить борьбу с наносными песками и дюнами путем древесных насаждений. Во Франции, в Гаскони, леса, разведенные на дюнах, представляют теперь стоимость в 25 мл. фр.; кроме того, травой, обильно произрастающей в этих лесах, пользуются для подстилки [132] и корма скоту. В России работы по укреплению сыпучих песков за последнее время производились в нескольких губерниях (главным образом, в Черниговской, Киевской и Астраханской, а также в Саратовской, Харьковской, Самарской, Херсосокой и Курляндской⁽¹⁶⁾).

В этом стремлении преобразовать физическую среду в желательном им направлении люди шли вначале путем инстинктивного приспособления, медленно и эмпирически накапливая приемы и навыки промышленной деятельности; в новейшее же время хозяйственная деятельность технически рационализируется, т.е. техника все более и более опирается на *научные* приемы и методы. Наука оставила Олимп, доступный немногим избранным, и переселилась в шумную сутолоку экономической жизни. Крупнейшие научные деятели в области естествознания известны также и применением их теоретических открытий к промышленной технике, таковы: Лавуазье, Гальвани, Либих, Фарадей, Гельмгольц, Пастер и другие знаменитые естествоиспытатели. Но и изобретатели-практики, не получившие систематического научного образования, как, например, Уатт, Стефенсон и др., доходили до своих изобретений не простой практической сметкой, а прилежным изучением научных данных, имеющих отношение к избранной ими отрасли техники. Но так было только в начале современного технического развития. В настоящее же время все европейские государства основывают свои [133] надежды на дальнейшее развитие технических усовершенствований не на появлении самородков, гениев самоучек, а на

широкой и солидной постановке дела **технического образования**. Успехи Германии в промышленной деятельности, так ярко и для многих неожиданно обнаружившиеся за последнее время, в значительной мере обязаны образцовой организации технического образования ⁽¹⁷⁾.

Было бы слишком долго останавливаться на характеристике технических улучшений новейшего времени хотя бы в главных отраслях промышленности; я укажу, поэтому лишь несколько наиболее характерных примеров. XIX век по справедливости называют «веком пара», потому что именно усовершенствование двигательной силы произвело громадный переворот в новейшей индустрии и транспорте. В самом деле, сила воды и ветра, которою пользовался человек при менее развитых формах экономической организации, стала уже недостаточной с появлением крупного капиталистического производства. Ветряная мельница может иметь в среднем только 77 рабочих дней в году; морской штиль может надолго задержать движение корабля. Сила падения воды, утилизируемая первобытным мельничным колесом, не может достигать значительных размеров, так как для движения передается только часть развиваемой энергии (около 15-20%). Кроме того, она связана с определенной местностью, [134] которая по иным условиям может быть неблагоприятной для устройства промышленных предприятий. Поэтому, с развитием разработки каменного угля, техническая изобретательность направилась на изобретение более могучего и подвижного двигателя. Знаменитая машина Уатта и была применена вначале в угольной промышленности (где уже и ранее употреблялись менее совершенные паровые машины). Вскоре затем ее применили и к обрабатывающей (прежде всего к текстильной) промышленности. Чем дальше развивалось капиталистическое производство, тем крупнее становились машины. До 50 гг. XIX ст. употреблялись по преимуществу сравнительно небольшие машины, в 2-30 лошадиных сил, в настоящее время не редкость встретить машины более, чем в 1000 лошадиных сил; морские пароходы имеют даже машины в 8-15 тысяч л.с. И между тем, благодаря специальным усовершенствованиям, применение таких гигантских двигателей обходится сравнительно дешево; вычисляют, что по сравнению с 50-ми годами теперь расходуется в 36 раз меньшее количество угля на развитие одной и той же силы ⁽¹⁸⁾. Не меньшие успехи сделаны и в усовершенствовании самих рабочих машин. В первой лекции, говоря о новейшем развитии текстильной промышленности Англии, мы уже упоминали, что один работник может управиться теперь со станком, на котором помещено множество веретен. Уже в 1842 году высчитывали, что 448 900 прядильщиков, работавших при машинах в культурных государствах [135] того времени, вырабатывали такое количество пряжи, для изготовления которого понадобилось бы не менее 17 000 000 ручных прядильщиков ⁽¹⁹⁾.

Применение машин и других усовершенствованных технических приемов изменило общий характер хозяйственной деятельности. Техника становится «бездушной», основанной на теоретическом изучении, отвлеченном анализе, все более и более удаляется от окруженных глубокой тайной, но наивных эмпирических приемов ремесленного производства, передававшихся, как драгоценное предание, от поколения к поколению в избранном кругу мастеров. Не только самый процесс работы (двигатель, рабочая машина), но и *материал* для нее принимает теперь особый вид, мало знакомый прежним формам хозяйства. Как справедливо (хотя и не без преувеличения) указывает Зомбарт, в XIX в. обнаруживается *тенденция к освобождению от границ органического*: человека, животного, растения. Природа заменяется искусством, живая природа – мертвой, личное – вещественным, качество – количеством. На место дерева, как материала для построек (зданий, судов и т.д.), выдвигается железо, вместо растительных красок – анилиновые, вместо органических – минеральные удобрения и т.д. Благодаря этому процесс производства освобождается от ограничений, налагавшихся ранее местом, временем и силами человека, он приобретает большую точность и быстроту, разлагается на бесчисленные отдельные элементы и, наоборот, дает возможность таких соединений [136] веществ и сил, которые были немислимы ранее⁽²⁰⁾.

Успехи современной техники, столь яркие и заметные в индустрии и транспорте, со второй половины XIX в. сказались не менее замечательным образом и в сельском хозяйстве. Учение Либиха о минеральных удобрениях, Гельригеля – об усвоении азота бобовыми растениями произвели громадный переворот в современном европейском земледелии. Конечно, в силу особенностей земледельческого производства, где человек гораздо больше связан естественными условиями, чем в индустрии и транспорте, результаты этих открытий не могли дать такого колоссального увеличения производительности; но все же применение минеральных удобрений, правильное чередование культивируемых растений и другие улучшения (подбор семян и т.п.) значительно увеличили урожайность даже по сравнению с самыми лучшими почвами при прежних способах земледелия.

Однако, говоря об усовершенствовании производства, мы не должны забывать, что рассматриваемый прогресс техники, позволяющий людям в настоящее время успешнее бороться с природой, находится в непосредственной зависимости не только от развития человеческих знаний, но и от эволюции самих социальных отношений. Социальные условия последнего времени более благоприятствуют борьбе человека с естественными условиями. В древнем мире, например, мы видим совершенно иное. [137] Такие памятники древности, как египетские пирамиды и каналы, были сооружены благодаря поразительной безрасчетной трате человеческого

труда. При употреблении в дело огромной массы несвободных рабочих, организаторы не задавались вопросом как облегчить их труд; выбывших из строя легко можно было заменить новыми. Труд и даже жизнь человека при рабской организации общества ценились так низко, что для изобретения удобных технических приспособлений не было достаточно сильных стимулов у лиц, от которых зависел распорядок предпринимавшихся работ. Технически при таких условиях все дело сводилось к тому, чтобы вдвинуть в каждый производственный процесс огромную массу людей. Поэтому за все время применения несвободного (рабского, а впоследствии крепостного) труда успехи экономической культуры были незначительны. В нашем отечестве низкий уровень сельскохозяйственной культуры объясняется также существованием до сравнительно недавнего времени крепостных отношений. Ведь в крепостную эпоху секрет владельческого хозяйства заключался не в том, чтобы применять усовершенствованные орудия или сложные системы земледелия, а чтобы полнее эксплуатировать личный труд крепостных. Наши дореформенные помещики не раз разорялись, когда думали устраивать свое хозяйство технически на европейский лад, забывая о разнице основных условий приложения труда у нас и на Западе. С заменой рабства и крепостничества свободными формами человеческого труда совершенствуется и техника. Чем выше рабочая плата, тем более выгодным для капиталистов представляется вводить [138] в производство усовершенствованные технические приемы, орудия и машины. Итак, технический прогресс вызывается в значительной мере социальными условиями; возрастание власти человека над природой указывает и на соответственные улучшения в социальном строе.

Этот вопрос о влиянии высоты социальной культуры на технические успехи человеческого хозяйства, естественно приводит нас к более общему вопросу о *социальной среде* хозяйственной деятельности.

Социальная среда, общественные связи неэкономического характера не менее важны для человека, чем условия внешней природы. Человеческие социально-хозяйственные отношения развиваются как бы в атмосфере иных общественных связей, которые могут быть более или менее тесными, но которые всегда существуют и оказывают влияние. В новейшее время эти связи становятся все более и более сложными. Уже одно то, что численность населения возрастает, что люди оказываются вынужденными все теснее и теснее жить друг возле друга, ставит перед ними с большей и большей настойчивостью вопрос о согласовании их хозяйственных отношений с иными социальными связями и учреждениями. Поэтому и экономическая наука с давних пор задумывалась над вопросом о социальной среде человеческого хозяйства. Уже в известных нам послылках физиократов и классической школы мы находим определенные указания на социальную

среду – в виде вопроса о частной собственности и юридических условиях свободной конкуренции (свобода экономического [139] оборота). Правда, они представляли себе эти условия гораздо проще, чем это требовалось бы для правильности научного анализа, но они имели их постоянно в виду. С большим вниманием стали относиться к этому вопросу позднейшие направления экономической мысли (в Германии – в особенности историко-этическая школа и школа «государственного социализма»). Социальная атмосфера плотно окружает все хозяйственные отношения между людьми; государственный строй и вообще условия публично-правового характера, образующие как бы основу, на которой развиваются разнообразнейшие вторичные образования (политические партии, профессиональные союзы, кооперативные организации и т.д. и т.п.), юридические условия хозяйства – так называемое право экономического оборота (свобода передвижения, выбора занятий, труда, частно-правовые учреждения – собственность, наследственное право – будучи сами обусловлены в значительной мере развитием экономических отношений, в свою очередь, оказывают на них влияние, создавая для каждого исторического периода определенную рамку, в которой развиваются специфически-хозяйственные явления данного периода. Не имея возможности остановиться здесь на этом вопросе с той подробностью, какую он заслуживает, укажу лишь несколько примеров, на которых можно было бы легче выяснить себе влияние социальной среды на хозяйственную деятельность человека. К некоторым сторонам этого вопроса нам придется еще не раз возвращаться и ниже, в особенности в отделе распределения. [140]

При характеристике главных этапов в развитии хозяйственных отношений мы уже имели случай касаться вопроса о значении *государственной организации*. Обладание политической силой, возможность направлять деятельность государственного механизма в сторону своих интересов дает счастливо поставленным в этом отношении общественным классам или группам мощное оружие в экономической борьбе. Есть, конечно, некоторые стороны хозяйственной жизни, где влияние государства не может быть значительно: никакой деспот не в силах, например, помешать исчезновению лучшей монеты из обращения и вздорожанию товарных цен при порче монеты правительством, никакая власть не в состоянии восстановить средневековые ремесленные отношения при капиталистическом строе хозяйства и т.п. Но за всем этим у государства остаются еще бесчисленные способы воздействия на хозяйственную деятельность народа, и потому формы государственного строя оказываются далеко не безразличными с хозяйственной точки зрения. Чем сложнее и дифференцированнее хозяйственные отношения, тем причудливее сочетания и столкновения экономических интересов, равнодействующую которых

составляют решения государственной власти в тех случаях, когда они затрагивают хозяйственную деятельность народа. В частности, что касается новейшего государственного строя с его конституционными гарантиями и народным представительством, то его влияние на хозяйственную жизнь сказывается самыми разнообразными путями. Борьба экономических интересов становится определеннее, сознательнее и обнаженнее. [141] Множество иллюзий, навеваемых старыми формами государственной организации, исчезает бесследно при виде скрытых ранее закулисных пружин и ходов повседневной политической деятельности. Борьба между отдельными общественными группами, интересы которых сталкиваются на хозяйственной арене, достигает крайнего напряжения. В вопросах финансовой системы, таможенного покровительства, промышленных монополий, рабочих организаций и фабричного законодательства то или иное направление правительственной политики наглядно показывает, какие общественные слои находятся ближе к государственной власти. Нельзя не отметить также и влияний более общего характера. Всюду можно наблюдать, например, как единообразно повторяющееся явление, что замена абсолютно-бюрократического строя свободными учреждениями как бы очищает и проясняет социальную атмосферу, освобождая промышленных предпринимателей от гнетущего чувства связанности и подчинения, пробуждая в них личную инициативу, широкий деловой размах, а у промышленных рабочих поднимает чувство собственного достоинства и приучает к последовательному и настойчивому, хотя и более спокойному и корректному, отстаиванию своих интересов.

В области *юридических условий* хозяйства в новейшее время мы замечаем крупные изменения, как в жизненной практике, так и в господствующих воззрениях. **Право экономического оборота** (свобода передвижения, выбора занятий, свобода труда) конструируется теперь теоретически и практически гораздо сложнее, чем во время господства [142] классической доктрины. В частности, в том, что касается вопроса о *свободе труда*, новейшее время принесло полный переворот в воззрениях, сложившихся к началу XIX в., путем постепенного развития *рабочего законодательства*. С этим вопросом мы встретимся еще позднее, теперь же отметим только, что фабричное законодательство, возникшее в виде отдельных мер, направленных против социальных бедствий, созданных новейшим развитием капитализма (детский, женский труд), мало-по-малу вылилось повсюду в *новую отрасль права*, в нечто аналогичное современному государственному механизму. Фабричное законодательство по своему принципу явилось не делом благотворительности, не помощью благодетельной руки, простертой сверху над обездоленными группами современного общества, как это думали некоторое время наиболее видные

его защитники (Остлер, граф Шафтсбюри), а просто как бы *конституционной хартией* для отношений между капиталом и трудом, необходимой основой, гарантией *общественного контроля* в деле хозяйства. Потому-то, начав ограждать слабые элементы трудящейся массы, оно незаметно расширяло сеть своего влияния и на более сильные ее слои. И вместе с тем оно готовило почву и для других форм государственного вмешательства в хозяйственные отношения, постепенно преобразуя юридические формы жизни современных культурных народов.

Крупные перемены можно отметить в последнее время и в трактовании вопроса о *собственности*, который до сих пор продолжает служить ареной [143] горячих споров и столкновений. Классические экономисты не пытались критически анализировать понятие собственности, так как основой их теоретической системы были условия нового капиталистического строя, в котором частная собственность служит одним из краеугольных камней. Рикардо, например, по-видимому просто не представлял себе возможности иного общественного строя и не имел поэтому никаких побуждений задумываться над вопросом о происхождении и юридическом, моральном, государственном и т.п. оправдании частной собственности. Преемники же классической школы – «либеральная школа», «манчестерцы» – попросту объявляли частную собственность священным учреждением, безусловной необходимостью всякого культурного общества, и поэтому всякая мысль об ограничении, не говоря уже об уничтожении, частной собственности, представлялась им величайшим безумием. Между тем, с развитием и распространением коммунистических и социалистических учений всё усиливались нападки на частную собственность, наиболее резким выражением которых *по форме* (но никак не по существу дела) представляется известная фраза Прудона: *la propriété – c'est le vol*. Эти нападки (в особенности в так называемых коммунистических системах) первоначально имели столь же абсолютный характер, как и защита частной собственности либеральной школой. Мы встречаемся здесь с явлением, обычно наблюдаемым при спорах о каком-нибудь сложном вопросе, где против общего места, выдвигаемого защитником известного положения, его противник выдвигает не [144] новый по существу, основанный на большем знании дела аргумент, а просто «противоположное общее место». Поэтому попытки представителей так называемого «научного социализма» (Родбертус, Энгельс, Маркс) поставить вопрос о частной собственности с точки зрения социально-экономического значения различных ее видов были крупным шагом вперед в деле разработки этого вопроса. Частная собственность на средства производства резко отграничивается с этого времени от частной собственности на предметы потребления. Первая, как основное условие современного хозяйственного строя и главный источник

совершающихся в нем несправедливостей, приговаривается к полному уничтожению, вторая объявляется несущественной, безразличной, могущей без вреда для кого бы то ни было сохраняться и при коренных преобразованиях социально-экономических отношений. Но и первая категория, с точки зрения ближайшего будущего, в свою очередь разграничивается на ряд подразделений: например, в «Коммунистическом манифесте», как конечная цель указывается – «постепенно вырвать из рук буржуазии весь капитал, концентрировать все средства производства в руках государства», а в качестве ближайших мероприятий «для наиболее передовых стран» намечены полная экспроприация только земельной собственности, а передача промышленного капитала в руки государства предположена в виде постепенно развивающихся государственных предприятий и частичного отобрания частной собственности (путем уничтожения наследственного права и т.п.).[145]

По этому пути разграничения различных видов собственности с точки зрения их экономического значения пошла вскоре и академическая наука. Германская историко-этическая школа (или школа «государственного социализма»), занявшая и в данном вопросе срединную позицию между либеральным и социалистическим направлением, воспользовалась методологическими приемами, выдвинутыми социалистами и сумела внимательной и серьезной научной разработкой придать старому спору о собственности новое освещение. И до сих пор отдел, посвященный вопросу о собственности в «Grundlegung» Вагнера (вторая и третья книги второй части) представляется лучшим из всего, что было написано по этому вопросу.

Вагнер располагает все теоретические попытки оправдания частной собственности на пять главных групп: 1) естественная теория, выводимая из идеи «личности», из ее «самоопределения», «самоутверждения», «саморасширения» (Selbstbethätigung, Selbstbehauptung, Selbsterweiterung); 2) естественно-экономическая теория, выводимая из «хозяйственной природы» человека (без частной собственности немислимо накопление капитала и т.п.); 3) теория оккупации; 4) трудовая теория (основой всякой собственности служит труд собственника) и 5) легальная теория (собственность устанавливается государством по соображениям целесообразности). Вагнер считает все эти теории недостаточными самими по себе и совершенно неудовлетворяющими экономиста. На них (а в особенности на определениях собственности в юридической науке) сказалось в сильной степени влияние положений [146] римского права, что делает их непригодными с социально-экономической точки зрения⁽²¹⁾. Определение собственности должно, по мнению Вагнера, включать в себя возможность *законных ограничений полномочий собственников и даже обязанностей к действию* (Verpflichtungen zu einem Thun), которые могут быть наложены на них по

отношению к пользованию их собственностью. При этом необходимо, кроме того, различать отдельные категории [147] частной собственности, в особенности частную собственность на вещественные средства производства, земельные участки и капиталы, и конструировать соответственные понятия с разграничением *исторических и местных* особенностей.

Исходя из этих соображений, Вагнер определяет частную собственность вообще как допущенную правом (законом) высшую форму юридического господства личности над внешними благами (*die höchste vom Recht (Gesetz) zugelassene Form rechtlicher Herrschaft einer Person über äussere Güter*)⁽²²⁾.

Но он не останавливается на этом общем определении, а подробно рассматривает отдельные виды частной собственности, с точки зрения их экономического значения при данных исторических и местных условиях. В результате этого рассмотрения оказывается, что и при современном социальном строе ограничения полномочий собственника в общественном интересе вполне возможны и часто необходимы вплоть до принудительного отчуждения и даже полного уничтожения права частной собственности на некоторые предметы. Но так как каждый вид собственности имеет различное значение для хозяйственных отношений, то огульное решение вопроса в ту или другую сторону не может ничего выяснить. Например, частная собственность на городские земельные участки оказывает на хозяйственные отношения страны совершенно иное влияние, чем земельная собственность на сельские земли. Чрезвычайный рост городской земельной ренты и вытекающие из нее последствия:[148] ничем не заслуженное колоссальное обогащение городских собственников, спекуляция на городские земли и в то же время недостаток и дороговизна городских жилищ –«жилищная нужда», создающая чрезвычайные бедствия для бедных слоев населения, но тяжело отзывающаяся также и на сравнительно обеспеченных лицах, вынужденных жить в наемных квартирах, - все это заставляет Вагнера прийти в данном вопросе к выводам, резко расходящимся с его отношением к частной собственности вообще и ко многим ее видам в частности. Человек консервативного склада, сторонник частной земельной собственности вне городов и даже защитник интересов крупных землевладельцев неожиданно для многих выступил пропагандистом уничтожения частной городской земельной собственности даже в современном нам народном хозяйстве⁽²³⁾.

На этом примере мы можем легко видеть, как далеко стоит новейшее трактование вопроса о собственности от примитивных воззрений времен «манчестерства». Но такое же изменение в господствующих взглядах мы наблюдаем и по отношению к другим явлениям социальной среды, окружающей хозяйственную деятельность. В конце концов и здесь жизнь

взяла свое. Экономисту либеральной эры, когда рушились связи старого общественного уклада, а новые образования намечались только едва заметными ростками, было легко отрешиться от мысли о сложности и многообразии общественной жизни и спокойно предаться своей любимой мечте о ничем не стесняемой и несдерживаемой игре частных интересов. В настоящее же время, когда западный человек окружен прихотливой сетью всевозможных законных ограничений, союзных организаций, классовых и партийных подразделений и т.п., даже наиболее индивидуалистически настроенному экономисту трудно уже заставить себя остаться глухим к несущимся к нему отовсюду голосам жизни, зовущим его к серьезной работе над выяснением значения этих новых образований. И под напором этих неотступных требований прежняя мрачная отчужденность от жизни и упрямое доктринерство уступают понемногу место более светлому взгляду и более живому и вдумчивому отношению к насущным проблемам экономического знания.

-
- (1) *Fr.Ratzel*, Anthropogeographie, 2-te Aufl. Stuttgart, 1879, стр.472
 - (2) *Schmoller*, указ.соч., стр. 131
 - (3) *A. Wirminghaus*, ст. Kohle в Wörterbuch der Volkswirtschaft, II, стр.182, II, стр.182
 - (4) *A. Wirminghaus*, ст. Eisen, Eisenindustrie, в Wörterbuch der Volkswirtschaft, I, стр.722
 - (5) *Schmoller*, указ.соч., стр. 133
 - (6) *Ratzel*, указ.соч., стр. 472-473
 - (7) *Ratzel*, указ.соч., стр. 473 и 477
 - (8) *В.Э.Ден*, Очерки по экономической географии. Спб., 1908, стр. 143 и 147-149
 - (9) *Ratzel*, стр. 509. См. интересную сравнительную таблицу культурных растений Старого и Нового Света, приводимую Ратцелем из «Völkerkunde» Пешеля.
 - (10) *Ratzel*, указ.соч., стр. 521
 - (11) *Schmoller*, указ.соч., стр. 137
 - (12) Подробную историю вопроса о росте населения и «законе уменьшения земледельческого продукта» см. у *Ed. Cannan*. A history of the theories of production and distribution in english political Economy from 1776 to 1848, 2-d ed. London, 1903, стр.163.
 - (13) *A.Marshall*. Principles of Economics, 4-th ed., 1893, стр.227-231
 - (14) Вопрос же о *бедности* известных групп или слоев населения, который Мальтус так настойчиво связывал с выдвинутым им «принципом», в настоящее время ставится большинством экономистов как самостоятельная проблема в зависимости от *социальных условий владения* (имущественные неравенства) и распределения. См. об этом ниже.

(15) Серия гигантских сооружений этого рода пополнилась недавно открытием Симплонского туннеля, длиной в 19,7 км.

(16) См. соч. проф. *Карышева*, «Труд, его роль и условия приложения в производстве».

(17) См. *George Blondel*, *L'essor industriel et commercial du peuple Allemand*, Paris, 1897, стр. 125-135

(18) *Schmoller*, указ.соч., стр. 213

(19) Там же, стр.215.

(20) *W.Sombart*, *Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert*, Berlin, 1903, стр. 153-171.

(21) Индивидуалистические теории собственности оказываются часто ложными, даже если рассматривать их не с социальной, а индивидуалистической же точки зрения, последовательно проведенной. Например, «естественная» теория собственности, основы которой заложены ни более ни менее как Фихте (в «*Naturrecht*» и «*Geschlossener Handelstaat*»), совершенно неправильно связывает идею личности, как высшей, бесконечной ценности, с идеей исключительного личного обладания материальными благами. Материальные блага вообще необходимы как средства осуществления высших жизненных целей, но почему именно исключительное обладание ими одним лицом, сосредоточение их в руках данной личности должно служить этим высшим целям, остается непонятным. Исключительное обладание материальными благами, как всякому известно, может вести вовсе не к «расширению» нравственной ценности личности, а, наоборот, к ее умалению, заглушая заложенные в ней высшие начала, божественные ростки, коренящиеся в душе каждого человека. Поэтому трактовать собственность на материальные блага как нечто абсолютное, всегда отвечающее высшим началам человеческой личности, представляется крайне непоследовательным. Это значило бы ставить на одну доску по существу столь глубоко различные вещи, как обладание материальными предметами и нравственное служение, отношение человека к миру, Божеству и т.п. право собственности само по себе никогда не может быть «священным» и говорить так значило бы просто профанировать идею святости.

(22) *Ad.Wagner*, *Grundlegung der Politischen Oekonomie*, Leipzig, 1894, стр.271

(23) *Grundlegung*, II Teil, стр. 470.